

Нора Вебстер

Автор:

Колм Тойбин

Нора Вебстер

Колм Тойбин

1960-е. Ирландия, городок Энискортти – тот самый, откуда уехала в Америку Эйлиш, героиня предыдущего романа Колма Тойбина “Бруклин”. Тихая, размеренная, старомодная жизнь на фоне назревающей в соседней Северной Ирландии междоусобицы. Нора Вебстер недавно овдовела, ей надо привыкать к новой жизни, справляться с финансовыми и бытовыми трудностями, в одиночку растить сыновей. Обычная жизнь обычной женщины, давно растерявшей в тени мужа свою индивидуальность, забывшей, что такое мечты. В этом тихом, тонком романе, как и в “Бруклине”, на первый взгляд мало что происходит, и в то же время он полон напряжения, даже страсти. Как полна их и Нора, которая учится быть одна, учится быть собой, порой раздражая и даже шокируя консервативную ирландскую глубинку. “Нора Вебстер” – виртуозно детализированная, тонкая, камерная история жизни ирландской семьи. Тойбин сплел затейливый гобелен, изобразив маленькую Ирландию, городок, где каждый знает каждого, где благожелательность может обернуться драмой. Нора Вебстер – один из самых запоминающихся женских образов современной литературы, вызывающий в памяти героинь Генрика Ибсена.

Колм Тойбин

Нора Вебстер

Copyright: © 2014 by The Heather Blazing Ltd,

© А. Смирнов, перевод на русский язык, 2018,

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018,

© “Фантом Пресс”, издание, 2018

* * *

Посвящается

Брид Тойбин (1921–2000)

Найэллу Тойбину (1959–2004)

Глава первая

– Вы, наверно, сыты по горло. Они же не уймутся, так и будут приходить?

Том О’Коннор, сосед, стоявший у своего заборчика, смотрел на нее в ожидании ответа.

– Я знаю, – сказала она.

– А вы не открывайте. Я бы так и сделал.

Нора притворила калитку.

– Они хотят как лучше. Они не со зла.

– Вечер за вечером, – сказал он. – Не пойму, как вы терпите.

Она прикинула, удастся ли войти в дом, не ответив. Он взял необычный тон, которым раньше не разговаривал. Как будто имел над ней некую власть.

– Люди не со зла, – повторила она, и вдруг ей сделалось так горько от этих слов, что она закусила губу, сдерживая слезы. Но, перехватив взгляд Тома О’Коннора, решила, что лучше уж выглядеть сломленной, побежденной. И скрылась в доме.

Этим вечером в дверь постучали, когда было без малого восемь. В дальней комнате горел камин и мальчики делали за столом уроки.

– Открой, – бросил Конон брату.

– Сам открой, – ответил Донал.

– Сейчас же пойдите и откройте, любой из вас, – велела Нора.

В коридор пошел Конон, младший. Он отворил, и она услышала женский голос, незнакомый. Конон провел гостью в гостиную.

– Это маленькая тетя с Корт-стрит, – прошептал он, вернувшись в дальнюю комнату.

– Что за маленькая тетя?

– Не знаю.

Мэй Лейси скорбно покачала головой, когда Нора вошла в гостиную.

– Нора, я не решалась прийти. Так жалко Мориса, что слов не сыскать. – Она шагнула вперед и взяла Нору за руку. – И такой молодой! Я помню его малышом. Да вся Фрайери-стрит помнит.

– Снимайте пальто и пройдемте в заднюю комнату, – сказала Нора. – Мальчики делают уроки, но они могут перейти сюда и включить обогреватель. Им все равно скоро спать.

В дальней комнате Мэй Лейси, из-под шляпки которой выбивались пряди седых волос, уселась, не снимая шарфа, напротив Норы и завела речь. Чуть погодя мальчики отправились наверх; Конор, когда Нора позвала его, застеснялся и не спустился пожелать ей спокойной ночи, но Донал пришел, подсел к ним и стал осторожно, молча рассматривать Мэй Лейси.

Было ясно, что больше никто не пожалует. Нора испытала облегчение: не придется развлекать людей, которые плохо знают друг дружку, а то и недолюбливают.

– Короче говоря, – журчала Мэй Лейси, – Тони лежал в больнице в Бруклине, и не успел тот человек очутиться на соседней койке, как они разговорились, Тони сразу признал ирландца и сообщил, что жена его родом из графства Уэксфорд.

Она умолкла и поджала губы, словно что-то припоминая. Затем заговорила как бы мужским голосом:

– О, так и ведь я оттуда, сказал сосед, а Тони уточнил, что она из Эннискорти[1 - Небольшой город в Ирландии, находится в графстве Уэксфорд (провинция Ленстер), родной город Колма Тойбина, в котором и развивается действие многих его книг. – Здесь и далее примеч. перев.]. Надо же, и я тамошний, ответил тот. И спросил у Тони, где она в Эннискорти жила, а Тони сказал, что на Фрайери-стрит.

Мэй Лейси не сводила с Норы глаз, призывая проявить интерес и удивление.

– А сосед и говорит: так ведь и я там жил! Поразительно, правда?

Она помолчала, ожидая ответа.

– И он сказал Тони, что перед отъездом из города изготовил ту железяку – как ее? – решетку или оградку на подоконнике Герри Грейна. Я пошла глянуть – так и есть. Герри понятия не имеет, когда и откуда она взялась. Но сосед Тони, там, в бруклинской больнице, сказал, что он-то ее и сделал, потому что сварщик. Правда, совпадение удивительное? Подумать только – в Бруклине!

Донал отправился спать, и Нора приготовила чай. Она принесла его в заднюю комнату на подносе заодно с печеньем и кексом. Когда разобрались с чашками-блюдцами, Мэй Лейси отпила чаю и возобновила свой монолог:

– Конечно, все мои были без ума от Мориса. Постоянно спрашивали о нем в письмах. Джек с ним дружил, пока не уехал. И у Мориса был, разумеется, редкий педагогический дар. Мальчики ему в рот смотрели. Я только это и слышала.

Глядя на огонь, Нора попыталась вспомнить, бывала ли вообще в этом доме Мэй Лейси. Вроде бы нет. Она знала ее всю жизнь, как и многих в городе; они здоровались, обменивались любезностями и останавливались поболтать, когда находились новости. Ей была известна вся биография Мэй – от девичьей фамилии до участка на кладбище, где ее похоронят. Однажды Нора слышала ее пение на концерте, в память врезалось блеющее сопрано – Мэй пела то ли “Дом, милый дом”, то ли “Свет дней былых”.

Она сомневалась, что Мэй Лейси навещалась куда-либо, помимо магазинов да воскресной мессы.

Воцарилось молчание, и Нора подумала, что Мэй, наверно, скоро уйдет.

– Я рада, что вы меня навестили, – сказала она.

– Ох, Нора, я глубоко вам сочувствовала, но мне показалось, что лучше поначалу не докучать и немного выждать.

Она отказалась от чая, когда Нора предложила еще, и та, унося на кухню поднос, подумала, что теперь-то Мэй встанет и наденет пальто, но гостя продолжала сидеть. Нора поднялась на второй этаж и проверила, спят ли мальчики. Она улыбнулась, представив, как тоже ложится, засыпает, а Мэй Лейси томится внизу, в напрасном ожидании огня.

– А где ваши девочки? – спросила Мэй, как только Нора села. – Их больше не видно, а раньше постоянно ходили мимо.

– Айна в школе, в Банклоди[2 - Небольшой городок на юго-востоке Ирландии.]. Обживается там, – ответила Нора. – А Фиона учится в Дублине на преподавателя.

– Когда они уезжают, становится тоскливо, – сказала Мэй Лейси. – Я скучаю по всем – говорю как есть, – но забавно, что больше думаю об Эйлиш, хотя мне и Джека не хватает. Не знаю, в чем было дело, но мне просто не хотелось Эйлиш терять. Вы-то меня поймете, Нора. После смерти Роуз я думала, что она вернется, останется, найдет здесь какую-нибудь работу, а когда Эйлиш наконец-то приехала, хотя и всего-то на пару недель, я заметила, что она все молчит, ходит сама не своя, и однажды взяла и расплакалась прямо во время обеда, тут-то я и узнала, что кавалер из Нью-Йорка не отпускал ее домой, пока она не выйдет за него замуж. И она вышла, а нам ни словечка. “Коли так, то ничего не поделаться, Эйлиш, – сказала я. – Придется тебе вернуться к нему”. И дальше я уже не могла ни видеть ее, ни разговаривать с ней, а она прислала фотографии, где она с ним в Нью-Йорке, но я не смогла смотреть. Мне хотелось этого меньше всего на свете. Хотя я до сих пор жалею, что она не осталась.

– Да, я тоже расстроилась, когда узнала, что она уехала обратно, но, может, там ее счастье, – сказала Нора и тут же испугалась при виде печальной гримаски на лице Мэй Лейси, что брякнула лишнее.

Мэй Лейси принялась рыться в сумочке. Нашла очки и надела.

– Мне казалось, я захватила письмо Джека, но, похоже, нет. – Она изучила один листок, другой. – Нет, не взяла. Собиралась вам показать. Он хотел вас кое о чем спросить.

Нора молчала. Она не видела Джека Лейси больше двадцати лет.

– Если найду письмо, то передам вам, – сказала Мэй.

Она поднялась, собираясь наконец уйти.

– Теперь уж он вряд ли вернется домой, – проговорила она, надев пальто. – Что ему тут делать? У них в Бирмингеме своя жизнь, и они меня звали, но я сказала Джеку, что как-нибудь упокоюсь с миром, не повидав Англии. Впрочем, сдается мне, что он будет рад обзавестись здесь гнездышком и навещать деток Эйлиш или еще кого.

– Ну так у него же есть вы, чтобы навещать, – сказала Нора.

– Он решил, что вы продадите Куш. – Мэй поправила шарф. Она обронила это небрежно, но взгляд ее, устремленный на Нору, был строг и сосредоточен, а подбородок чуточку подрагивал. – Он спросил у меня, продаете ли, – сказала Мэй и поджала губы.

– Я еще не строила никаких планов, – ответила Нора.

Мэй не сдвинулась с места.

– Жаль, что письмо не при мне, – посетовала она. – Джек всегда любил Куш и Балликоннигар[3 - Населенный пункт в графстве Уэстфорд.]. Бывал там с Морисом и другими мальчиками, до сих пор помнит. И там мало что изменилось, и знают его там все. А здесь он в свой последний приезд не знал половину горожан.

Нора молчала. Ей хотелось, чтобы Мэй ушла.

– Так или иначе, я передам ему, что до вас донесла. Это все, что я могу сделать.

Нора снова не ответила, и Мэй посмотрела на нее с откровенной досадой от ее молчания. Они вышли и остановились в прихожей.

– Время – великий лекарь, Нора. Больше мне вас нечем утешить. А уж я-то знаю по личному опыту.

Нора отворила дверь, и Мэй вздохнула.

– Спасибо, что зашли, Мэй, – поблагодарила Нора.

– Спокойной ночи, Нора, и берегите себя.

Она медленно двинулась прочь по дорожке, Нора смотрела ей вслед.

* * *

Субботним днем в том октябре она села в старенький седан A40 и поехала в Куш, оставив мальчиков играть с друзьями и никому не сказав, куда направляется. Осень скатывалась в зиму, и в эти месяцы Нора изо всех сил старалась сдерживать слезы – ради мальчиков, а может, и ради себя. Слезы без видимой причины пугали и тревожили детей, постепенно привыкавших к отсутствию отца. Теперь она понимала, что им пришлось вести себя так, будто все идет привычным чередом, будто не было никакой потери. Они наострились скрывать чувства. Она же научилась распознавать сигналы опасности – мысли, что вели к другим мыслям. Успех же измеряла способностью сдерживаться при мальчиках.

Когда Нора съехала за Баллахом[4 - Деревушка на юго-востоке Ирландии.] с холма и взгляд впервые выхватил море, до нее дошло, что она еще ни разу не бывала на этой дороге одна. В минувшие годы кто-то из мальчиков или девочек непременно вопил на этом самом месте: “Вижу море!” – а ей приходилось их усаживать и утихомиривать.

В Блэкуотере ей захотелось остановиться и купить сигарет или выпить шоколада – сделать что угодно, только бы отсрочить прибытие в Куш. Но она не сомневалась, что ее обязательно углядит кто-нибудь из знакомых и начнет соболезновать. Слова сострадания давались легко: “Сочувствую вам” или “Разделяю ваше горе”. Все говорили одно и то же, но единого ответа не существовало. “Я знаю” или “Благодарю” звучало холодно, почти неискренне. И на нее будут пялиться, пока ей не станет невмоготу – скорее бы убраться. В том, как ее держали за руку или заглядывали в глаза, проступал странный голод. Она задумалась, вела ли себя с кем-нибудь так же, и решила, что нет. Свернув направо к Балликоннигару, подумала, что ей было бы намного хуже, если бы люди сторонились ее. А ведь, возможно, так оно и было, просто она не замечала.

Небо потемнело, по ветровому стеклу забарабанил дождь. Пейзаж казался куда более убогим и безрадостным, чем в сельской глубинке вдоль дороги на Блэкуотер. У гандбольной площадки она повернула налево в сторону Куша и дала себе короткую передышку, представив, будто попала в недавнее прошлое, в темный летний день с грозовым небом, и едет она в Блэкуотер за мясом, хлебом и газетой. Она небрежно бросила бы покупки на заднее сиденье, а вся семья ждала бы ее в доме у известкового карьера – и Морис, и дети, и, может, пара приятелей мальчиков, дети проспали и теперь ноют, что солнце спряталось, но это не мешает им играть в английскую лапту, или носиться как угорелые перед домом, или резвиться на пляже. Но заряди дождь на целый

день, они, конечно, сидели бы дома и резались в карты, пока мальчишки не рассорились бы и не заявили к ней жаловаться.

Она с головой ушла в эти воспоминания. Но стоило показаться морю и линии горизонта за крышей Корриганов, как фантазии отступили и Нора вновь очутилась в жестоком мире.

Она подъехала к дорожке и отперла большие оцинкованные ворота. Припарковалась перед домом и закрыла створки, чтобы никто не увидел автомобиль. Как было бы хорошо, окажись здесь кто-нибудь из старых подруг, Кармел Редмонд или Лили Деверо, они-то умеют нормально поговорить – не о ее утрате и своем сострадании, а о детях, деньгах, подработке и том, как жить дальше. И они бы слушали. Но Кармел жила в Дублине и приезжала только летом, а Лили время от времени навещала мать.

Ветер с моря взвыл, и Нора вернулась в машину. В доме наверняка холодно. Следовало захватить пальто потеплее. Она понимала, что, мечтая об обществе чутких подруг, дрожа от холода в машине, она просто оттягивает момент, когда придется открыть дверь и войти в пустой дом.

Вконец обезумевший ветер налетел с такой силой, что показалось, будто вот-вот поднимет машину в воздух. На ум пришло то, о чем она не позволяла себе думать прежде, но о чем знала уже несколько дней. Нора дала себе зарок. Больше она сюда не приедет. Она тут в последний раз. Сейчас войдет в дом, побродит по комнатам. Соберет личные вещи, которые не стоит оставлять, потом запрет дверь, поедет обратно в город и впредь никогда не свернет у гандбольной площадки на шоссе между Блэкуотером и Балликоннигаром.

Ее удивляла собственная решимость, легкость, с какой она поворачивалась спиной к тому, что любила, с какой бросала этот дом у взбирающейся к скале тропе, – пусть теперь его познают другие, пусть другие приедут летом и наполнят его иными звуками. Глядя на фиолетовое небо над морем, она вздохнула. Наконец-то она дала себе прочувствовать, сколь многого лишилась, сколь многого ей будет не хватать. Она вышла из машины и выпрямилась, противясь ветру.

Входная дверь вела в крохотную прихожую. С обеих сторон находилось по две комнаты: слева – спальни с двухъярусными кроватями, справа – гостиная с

кухонькой и ванной позади, а рядом – их комната, уютная и мирная, в сторонке от детей.

Они приезжали в начале июня, на субботу и воскресенье, даже в ненастную погоду. Привозили щетки, швабры, моющие средства и тряпки для протирки окон. Вносили в дом хорошо проветренные матрасы. То бывал поворотный момент, отметка в календаре, знаменовавшая начало лета, даже если оно выдавалось туманным и хмурым. Дети в те годы, что ей так хотелось вернуть, выплескивали возбуждение, галдели, подражая американской семейке из “Шоу Донны Рид” [5 - Долгоиграющий американский комедийный телесериал с Донной Рид в главной роли, который транслировался на канале ABC с 24 сентября 1958 по 19 марта 1966 г.]. С деланным американским акцентом они поучали друг друга, но вскоре уставали, им делалось скучно, и она разрешала им идти играть, отпускала на море или в деревню. И тогда начиналась настоящая работа. Дети больше не путались под ногами, и Морис принимался красить, приводить в порядок бетонный пол, закрывать линолеумом дыры, а Нора переклеивала обои там, где завелась плесень или проступило слишком уж много пятен, – все это требовало сосредоточенности и внимания. Ей нравилось выверять длину обойных кусков до мельчайшей доли дюйма, доводить клейстер до нужной густоты и нарезать полосы новых ярких обоев с цветочным узором.

Фиона ненавидела пауков. Нора вдруг об этом вспомнила. А уборка в первую очередь означала изгнание пауков, жуков и прочих ползающих тварей. Мальчики обожали, когда Фиона визжала, да Фионе и самой это нравилось, особенно если отец бросался на ее защиту. “Где они?” – гремел он, изображая великана из сказки о Джеке и бобовом стебле, а Фиона кидалась к нему и обхватывала руками.

Все это теперь в прошлом, потеряно безвозвратно, подумала Нора, входя в гостиную. Сейчас царивший в комнате холод и ее теснота вызвали чувство странного удовлетворения. Оцинкованная крыша протекла, что было ясно по свежему пятну на потолке. По стеклу хлестнул дождь, гонимый порывом ветра, и дом застонал. Окна скоро придется чинить, а дерево начало гнить. И кто знает, через сколько времени решат срыть соседнюю скалу, а дом снести по приказу совета графства? Пусть теперь это волнует других. Пусть другие латают прорехи и обрабатывают стены от сырости. Пусть другие чинят проводку и красят этот дом или бросают его на произвол стихии, когда пробьет час.

Она продаст его Джеку Лейси. Никто из местных не купит, им-то известно, что глупо вкладываться в такую недвижимость, когда есть дома в Бентли, Карракло и Моррискасле. Никто из Дублина тоже не польстится, увидев, в каком он состоянии. Она оглядела комнату и поежилась.

Обойдя спальни, она поняла, что для живущего в Бирмингеме Джека Лейси этот дом – дурман, воспоминание о палящем солнце воскресных дней, о мальчишках и девчонках на велосипедах и о манящих возможностях. Но тут же представила, как он приедет сюда через год или два, когда вернется на пару недель в Ирландию, и обнаружит наполовину обрушившийся потолок, вездесущую паутину, отставшие обои, разбитые стекла. Электричество отключат, а летний день будет дождлив и сумрачен.

Она проверила выдвижные ящики, но не нашла ничего нужного. Только пожелтевшие газеты и обрывки бечевки. Даже посуда и кухонная утварь не заслуживали, чтобы их забрали домой. В спальне она нашла в комодке несколько фотографий и книг, которые решила взять с собой. Больше ничего. Мебель не стоила ломаного гроша, абажуры успели выцвести и обветшать. Она вспомнила, как всего несколько лет назад покупала их в уэксфордском “Вулвортсе”. В этом доме все прогнило и поблекло.

Дождь превратился в ливень. Она сняла со стены спальни зеркало, отметив, насколько чист обнажившийся участок по сравнению с остальными выцветшими и грязными обоями.

Услышав стук, Нора поначалу решила, что это ветер бьет чем-то в окно или дверь. Но когда стук повторился и с улицы донесся голос, она поняла, что кто-то пришел. А она-то думала, что никто не заметил ее появления, что машину не видно. Первым побуждением было спрятаться, но она знала, что уже обнаружена.

Нора повернула щеколду, и ветер толкнул входную дверь внутрь. Снаружи маячила фигура в большой, не по размеру, куртке, капюшон наполовину скрывал лицо.

– Нора, я услышала машину. У вас все в порядке?

Рука откинула капюшон, и Нора узнала миссис Дарси, которую не видела с похорон. Миссис Дарси прошла за ней в прихожую, и Нора заперла дверь.

- Почему вы не позвонили? - спросила гостья.

- Я здесь всего несколько минут.

- Пошли в машину, поедем к нам. Тут нельзя находиться.

Нора привычно отметила менторский тон, как будто она была ребенком, неспособным принимать правильные решения. С похорон она пыталась либо игнорировать его, либо терпеть. Твердила себе, что это лишь просто забота о ней.

Она с радостью собрала бы немногочисленный скарб, отнесла его в машину и уехала из Куша. Но теперь это было невозможно, от гостеприимства миссис Дарси не отвертеться.

Та наотрез отказалась садиться к ней в машину, заявив, что мокрая насквозь. Сказала, что дойдет до дома пешком, а Нора пусть едет.

- Я побуду тут еще пару минут и отправлюсь следом, - сказала Нора.

Миссис Дарси посмотрела на нее озадаченно. Нора старалась говорить непринужденно, но вышло скорее загадочно.

- Просто нужно кое-что собрать, - пояснила она.

Взгляд гостьи скользнул по книгам, фотографиям и прислоненному к стене зеркалу, затем быстро вобрал все остальное в комнате. Нора почувствовала, что миссис Дарси поняла, чем она занималась.

- Не слишком задерживайтесь, - велела та. - Чай будет ждать.

Когда миссис Дарси ушла, Нора закрыла дверь и вернулась в комнату.

Делу конец. Своим всепроникающим взглядом миссис Дарси придала реальность всему, что находилось тут. Нора покинет этот дом навсегда. Больше она не пройдет по этим дорожкам и позволит себе не испытывать сожалений. Все кончилось. Она перенесла отобранные вещи в машину.

В кухне миссис Дарси было тепло. Та налила чай и подала scones с тающим маслом.

– Мы беспокоились за вас, но Билл Парль сказал, что вечером, когда он пришел к вам, там было полно людей. Может, нам все равно следовало заглянуть, но мы решили отложить до Рождества, когда вам, наверно, захочется компании.

– Многие зашли, – ответила Нора. – Но вы же знаете, что вам я рада всегда.

– Так очень многие вас и любят, – сказала миссис Дарси. Она сняла фартук и села. – А мы все переживали, думали, что вы уж больше не приедете. Про Кармел Редмонд вы сами знаете – ее не было, когда это случилось, и она была потрясена.

– Знаю, – кивнула Нора. – Она мне написала, а потом позвонила.

– Нам она так и сказала, а Лили была здесь и посоветовала вас дожидаться. И я приучилась ждать, когда вы приедете и наведете порядок в доме. Для меня ваш приезд всегда к перемене погоды. Сердце прямо запело, когда вас увидела.

– Я помню, как однажды лил такой дождь, что вы нас пожалели и всех напоили чаем, – сказала Нора.

– И знаете, – продолжила миссис Дарси, – ваши дети прекрасно себя ведут. Такие воспитанные! Айне у нас нравилось. Да и всем остальным тоже, но ее мы знали лучше прочих. А Морис приезжал по воскресеньям, если передавали матч.

Нора взглянула в окно на дождь. Ее подмывало обмануть, сказать миссис Дарси, что они будут навещать ее и впредь, но она не смогла. И почувствовала, что та угадала, что скрывает ее молчание, и теперь выискивала намеки – в произнесенном или невысказанном, дабы утвердиться в подозрении, что Нора намерена продать дом.

– И вот что мы решили, – объявила миссис Дарси. – В следующем году займемся вашим домом. Сегодня я смотрела на него и думала, что нужно подлатать кровлю, а мы все равно будем чинить наш сарайчик, пусть рабочие заглянут и к вам. А сами мы по очереди разберемся со всем остальным. У меня есть ключ, и можно было подготовить сюрприз, но Лили сказала, что надо сперва спросить у вас, и я собиралась сделать это после Рождества. Она настояла, что дом ваш и вторгаться нельзя.

Нора знала, что пора выложить правду, но ее остановила участливая пылкость, прорвавшаяся в тоне миссис Дарси.

– Но я подумала, это же хорошо – приехать и увидеть, что все уже сделано, – продолжала та. – Поэтому вы сейчас не говорите ничего, но если вы против, то дайте мне знать. А ключ я себе все-таки оставлю – пусть будет, пока не захотите забрать.

– Нет. Конечно же, нет, миссис Дарси. Я рада, что у вас есть ключ.

На обратном пути в Блэкуотер Нора подумала, что миссис Дарси, возможно, все это время подозревала ее в намерении продать дом, вот и решила, что ремонт и уборка повысят цену; а может, и не подозревала она ничего – кто знает, может, это сама Нора уж чересчур пристально вглядывается в людей, пытаясь понять, что они о ней думают. Но она сознавала, что вела себя странно: закрыла ворота, когда завела машину во двор, повела себя чуть ли не воровкой, когда миссис Дарси постучалась, а предложение помочь не приняла, но и не отвергла.

Она вздохнула. Как бы там ни было, с этим трудным и муторным делом покончено. Она напишет всем – и миссис Дарси, и Лили Деверо, и Кармел Редмонд. В прошлом частенько, приняв решение, она наутро передумывала, но на сей раз все иначе, и она не передумает.

По дороге в Эннискорти Нора занялась подсчетами. Она не представляла, сколько может стоить дом. Сама определит и отправит число Джеку Лейси почтой – ей не хотелось вступать в переговоры с Мэй Лейси, – и если он предложит меньше, но в разумных пределах, она согласится. Давать объявление в газету Нора не хотела.

Страховка на машину была оплачена до Рождества. Нора планировала и с ней расстаться, но подумала, что если продаст дом, то оставит автомобиль или же купит новый. Денег, вырученных за дом, хватит и на надгробие из черного мрамора, которое она хотела заказать для Мориса, и на двухнедельную аренду дома-фургона в Карракло следующим летом. Остаток можно потратить на хозяйство и одежду для девочек и себя. И кое-что отложить на черный день.

Она мысленно улыбнулась: дом уподобится двум шиллингам и шестипенсовику, которые кто-то дал Конору несколько лет назад. Она не помнила, когда точно это было, но еще до того, как его отец заболел, и прежде, чем мальчик понял, что же такое деньги. Конор отдал монеты на хранение Морису, а затем все лето, каждый раз, когда они отправлялись в Блэкуотер, изымал деньги на личные нужды, уверенный, что у отца они в неприкосновенности. Когда же отец сообщил, что ничего не осталось, Конор не поверил.

* * *

Нора написала Мэй Лейси, вложила в письмо послание для Джека. Вскоре пришел ответ: он согласен на предложенную цену. Она посоветовала городского нотариуса для оформления договора о купле-продаже.

Дождавшись подходящего момента, она сообщила мальчикам о продаже дома в Куше и поразилась, сколь внимательно и озабоченно они слушают ее, будто она говорила о том, что определит их будущее. Начав же расписывать, как пригодятся им вырученные деньги, она поняла, что они знают о ее желании продать и машину, хотя и словом не обмолвилась на этот счет. Услышав, что машина останется, они не улыбнулись и даже не выразили облегчения.

– А в университет мы еще сможем поступить? – спросил Конор.

– Конечно, – сказала она. – Почему тебя это волнует?

– И кто будет платить?

– На это у меня деньги отложены.

Нора не хотела признаваться, что заплатят, возможно, дядя Джим и тетя Маргарет. Старшие брат и сестра Мориса, которые так и остались одиночками, жили вдвоем в старом родительском доме. Мальчики невозмутимо и пристально смотрели на Нору. Она вышла в кухню, включила чайник, а когда вернулась, они так и сидели, не шелохнулись.

- По праздникам будем путешествовать, - пообещала Нора. - Снимем в Карракло или Россларе дом-фургон. Мы никогда в таком не жили.

- А мы сможем поехать в Карракло одновременно с Митчеллами? - спросил Конор.

- Если захотим. Узнаем заранее, когда они едут, и двинемся в путь.

- А на одну неделю или на две? - не унимался Конор.

- Может, и на подольше, если понравится, - сказала она.

- Мы к-купим д-дом на колесах? - подал голос Донал.

- Нет, снимем. С ним слишком много возни.

- А кто к-купит наш дом?

- Это пока секрет. Вам я скажу, но больше никому говорить нельзя. Мне кажется, его хочет купить сын Мэй Лейси. Вы его знаете - тот, что живет в Англии.

- Она поэтому приходила?

- Думаю, что да.

Нора приготовила чай, и мальчики притворились, будто смотрят телевизор. Она понимала, что расстроила их. Конор сидел красный, а Донал мрачно глазел в пол, словно в ожидании взбучки. Она взяла газету и попыталась читать. Нора знала, что сейчас важно посидеть с мальчиками, не бросать их, поддавшись настойчивому желанию подняться в спальни и занять там себя чем-то:

перебрать содержимое стальных шкафов, умыться, протереть окна. Наконец она ощутила, что пора что-то сказать.

- Почему бы на следующей неделе не съездить в Дублин?

Мальчики посмотрели на нее.

- Зачем? - спросил Донал.

- Проветриться на денек, можете пропустить школу.

- У меня в среду д-две физики, - возразил Донал. - Я ее терпеть не могу, н-но прогулять нельзя, а в п-понедельник - французский у мадам Д-даффи.

- Можно поехать во вторник.

- На машине?

- Нет, поездом. Повидаем Фиону, у нее как раз короткий день.

- Нам обязательно ехать? - осведомился Конон.

- Нет. Только если захочется.

- А что мы скажем в школе?

- Я напишу записку. Скажу, что вам нужно к врачу.

- Если в-всего один день, м-мне не нужна записка, - сказал Донал.

- Значит, поедem. Прекрасно развеemся. Я дам Фионе знать.

Речь о поездке она завела, чтобы нарушить молчание и показать, что прогулки никуда не денутся, что мальчикам есть чего ждать. Но ее предложение не произвело на них впечатления. Казалось, известие о продаже дома в Куше всколыхнуло в них нечто такое, о чем они старались не думать. Но уже через

несколько дней они снова повеселели, как будто и не было ничего сказано.

* * *

Перед поездкой в Дублин она с вечера выложила приличную одежду, велела мальчикам начистить ботинки и поставить возле двери. При попытке загнать их пораньше в постель они воспротивились, так как по телевизору что-то шло, и Нора позволила им лечь поздно. Но даже тогда они не захотели ложиться и, когда она все-таки настояла, принялись шляться в туалет, а в своей спальне включать-выключать свет.

Наконец Нора поднялась и обнаружила их крепко спящими – дверь нараспашку, постели в беспорядке. Она попыталась уложить мальчиков поудобнее, но Конор заворочался, и она вышла из комнаты, бесшумно притворив дверь.

Утром они встали и оделись прежде нее. Принесли ей в постель чай, слишком крепкий, и тост. Встав, она незаметно проскользнула с чашкой в ванную и вылила чай в раковину.

Было холодно. Она сообщила мальчикам, что они доедут до вокзала на машине и оставят машину на площади. Сказала, что так будет сподручнее вернуться вечером домой. Оба серьезно кивнули. Они уже надели куртки.

Улицы, по которым она ехала к вокзалу, были безлюдны. Рассвет только занимался, и кое-где в окнах горел свет.

– На какую сторону сядем? – спросил Конор на вокзале.

До отхода поезда оставалось двадцать минут. Нора купила билеты, но Конор отказался сидеть с ней и Доналом в теплом зале ожидания, он захотел перейти через железный мост и помахать им с другой стороны, а потом спуститься к семафорной будке. Снова и снова он возвращался с вопросом, когда подадут поезд, пока какой-то мужчина не посоветовал ему следить за крылом семафора между платформой и туннелем: когда оно упадет, то, значит, состав на подходе.

– Но мы же его и так увидим, – нетерпеливо возразил Конор.

- Крыло опустится, когда поезд только въедет в туннель, - объяснил тот.

- Если стоять в туннеле, когда едет поезд, из тебя получится фарш, - сказал Конор.

- Оссподи, да уж не сомневайся, тебя будут собирать по кусочкам. А в доме, знаешь ли, когда идет поезд, вся посуда на полках прыгает, - сказал мужчина.

- У нас дома не прыгает.

- Это потому что рядом не ходят поезда.

- Откуда вы знаете?

- Так я же отлично знаю твою мамулю.

Нора посмотрела на человека - лицо его ей было знакомо, как и многие лица в городе, она решила, что он из гаража Донохью, но уверена не была. Что-то в нем раздражало ее. Она понадеялась, что он не едет с ними в Дублин.

Перед самым приходом поезда, когда мальчики пошли к семафорной будке в последний раз, мужчина повернулся к ней:

- Скажу вам, что папаши им все равно не хватает.

И смотрел на нее, дожидаясь ответа, с любопытством щурился. Она поняла, что придется сказать ему что-нибудь резкое, дабы больше не приставал и сверх того - не подсел к ним в вагоне.

- Спасибо, но это последнее, что им сейчас нужно слышать.

- Да я ничего такого...

Она встала и отошла, тут подоспел поезд, и мальчики уже возбужденно мчались к ней по перрону. Она чувствовала, как пылает лицо, но они ничего не заметили, поглощенные спором о том, где лучше сесть в вагоне.

Когда поезд тронулся, им захотелось сразу всего: осмотреть туалеты, постоять в страшноватой сцепке между вагонами, где под ногами все быстрее и быстрее летит земля, по мере того как состав набирает ход, сходить за лимонадом в ресторан. До первой остановки в Фернсе они переделали все, а на подходе к Камолину заснули.

Нора не спала; она полистала купленную на вокзале газету, отложила ее и стала смотреть на спящих мальчиков. Ей хотелось знать, что им снится. За минувшие месяцы в их чистой, непринужденной связи с ней и, возможно, друг с другом что-то переменялось. Ей чудилось, что впредь она уже ничего не будет знать про них наверняка.

Конор проснулся, взглянул на нее и вновь задремал, положив голову на сложенные на столике руки. Она потянулась, дотронулась до его волос, взъерошила их и снова расправила. Тоже проснувшийся Донал следил за ней, его невозмутимый взгляд свидетельствовал, что он все понимает, что для него нет тайн.

– Конор спит крепко, – улыбнулась она.

– Где мы? – спросил Донал.

– Скоро Арклоу.

Конор проснулся, когда они подъезжали к Уиклоу, и снова пошел в туалет.

– А что будет, если спустить воду на станции? – спросил он, вернувшись.

– Все попадет на рельсы.

– А когда поезд двигается, куда оно девается?

– Спросим у кондуктора, – сказала Нора.

– Зуб д-даю, ты не с-спросишь, – возразил Донал.

– А что такого случится с рельсами на станции? – спросил Конор.

- П-провоняют, - ответил Донал.

Утро выдалось безветренное, над горизонтом стояли серые тучи, а море за Уиклоу отливало сталью.

- Когда начнутся туннели? - спросил Конор.

- Уже скоро, - пообещала она.

- После следующей станции?

- Да, после Грейстонса.

- Долго еще?

- Почитай свой комикс, - предложила она.

- Трясет слишком.

В первом туннеле мальчики заткнули уши от грохота, соревнуясь в притворном страхе. Следующий был намного длиннее. Конор захотел, чтобы Нора тоже заткнула уши, и она подчинилась ему в угоду, поскольку знала, каким он бывает несносным и как легко его огорчить, если он не выспался толком. Доналу надоело затыкать уши, когда поезд вылетел из туннеля, он придвинулся к окну, за которым отвесный склон сбегал к бурным волнам. Конор пересел к Норе, и ей пришлось подвинуться, чтобы ему тоже было видно.

- А вдруг мы упадем, - сказал он.

- Нет, что ты, поезд никуда не денется с рельсов. Это же не машина.

Завороженный картиной, он прижался носом к стеклу. Донал тоже не отлипал от окна, даже когда поезд прибыл на станцию Дун-Лэре.

- Приехали? - спросил Конор.

- Почти, - ответила Нора.

- Куда сначала пойдём? К Фионе?

- На Генри-стрит [6 - Одна из двух главных торговых улиц в Дублине.].

- Йохооо! - завопил Конор. Он собрался запрыгнуть с ногами на сиденье, но она заставила его сесть.

- А пообедаем в "Вулвортсе".

- Где самообслуживание?

- Да, чтобы не ждать.

- А можно мне на десерт апельсин, а молока не надо? - спросил Конор.

- Можно, - кивнула она. - Все что захочешь.

Они вышли на Амиенс-стрит и пересекли сырое, обветшавшее здание вокзала. Медленно двинулись по Талбот-стрит, задерживаясь изучить витрины магазинов. Нора велела себе расслабиться, дел у них не было, они могли бездельничать, сколько вздумается. Она дала мальчикам десять шиллингов, но сразу поняла, что совершила ошибку - слишком много. Они изучили деньги и недоверчиво взглянули на нее.

- Мы д-должны что-то купить? - спросил Донал.

- Может, каких-нибудь книжек, - сказала она.

- А комиксы или рождественский ежегодник?

- Для ежегодников еще рано.

Приблизившись к О'Коннелл-стрит, мальчики пожелали взглянуть на место, где находилась колонна Нельсона.

– Я ее помню, – заявил Конор.

– Н-не может быть, ты был совсем маленький, – сказал Донал.

– А я помню. Такая высокая, наверху стоял Нельсон, и его расколошматили вдребезги[7 - Памятник английскому адмиралу Горацио Нельсону (1758–1805), стоявший на О’Коннелл-стрит, в 1966 г. взорвали боевики ИРА, сейчас на этом месте стоит Дублинская игла – стальная скульптура в виде иглы.].

Они пересекли О’Коннелл-стрит, зорко следя за многополосным движением и дождавшись зеленого света. Нора понимала, что на Генри-стрит они будут выглядеть деревенщиной. Мальчики ухитрялись впитывать все подряд, одновременно сохраняя отстраненность. Они краем глаза наблюдали за миром чужаков и необычных зданий.

Конору не терпелось попасть в магазин – в любой, лишь бы что-нибудь купить.

– Ботинки? – скривился он с отвращением. – И ради этого мы приехали в Дублин?

– Ну а куда тебе хочется? – спросила Нора.

– Хочу кататься на эскалаторе.

– Ты тоже? – обратилась она к Доналу.

– Н-навверное, – ответил он сумрачно.

В универмаге “Арноттс” на Генри-стрит Конор захотел, чтобы Нора и Донал посмотрели, как он поднимется и спустится на эскалаторе. Он потребовал, чтобы они за ним не шли и вообще не трогались с места. Он взял с них слово. Донал скучал.

В первый раз Конор упорно оглядывался, и они дождались, когда он исчезнет наверху и вновь появится на ленте, ползущей вниз. Конор сиял. Во второй раз он набрался смелости и время от времени перешагивал через две ступеньки, не забывая держаться за поручень. В третий захотел взять с собой Донала, но

настоял, чтобы Нора так и осталась внизу. Она предупредила, что этот раз будет последним, и они, возможно, вернутся сюда днем, но трижды вверх-вниз по эскалатору вполне достаточно.

Когда мальчики спустились, она отметила, что оживился и Донал. Они объяснили, что чуть дальше обнаружили небольшой лифт, в котором тоже неплохо бы покататься.

- Еще один раз, и все, - сказала Нора.

Она отошла в сторону и стала рассматривать зонтики, ее внимание привлекли те, что она никогда не видела, - складные, легко помещавшиеся в сумочку. Нора решила купить такой на случай дождя. В ожидании кассира она высматривала мальчиков, но те не показывались. Расплатившись, она направилась на прежнее место, а оттуда - к боковому выходу, где опускался лифт.

Их там не было. Она ждала посередине холла, поглядывая по сторонам. Подумала, не подняться ли в лифте самой, но поняла, что этим только усугубит путаницу. А если останется на месте, то точно не пропустит их.

Когда мальчики нашли ее, они прикинулись, будто ничего не случилось, а лифт просто останавливался на всех этажах. Она попеняла им, сказала, что думала, они потерялись, и оба переглянулись, словно в лифте с ними произошло нечто такое, о чем они не хотели ей говорить.

К трем часам дня они повидали в Дублине все, что желали. Побывали на Мур-стрит и купили персиков, пообедали в ресторане самообслуживания в "Вулвортсе" и зашли в книжный магазин "Изонс" за комиксами и книгами. Мальчики устали, и она повела их в "Бьюли" - дожидаться Фиону. Нора подумала, что Конору не позволяет заснуть лишь мысль о булочках на двухъярусном блюде, которых можно брать сколько душе угодно.

- Но за них нужно платить, - сказала Нора.

- Откуда им знать, сколько взяли?

- Люди честны в своем большинстве.

Когда появилась Фиона, мальчики вновь оживились, разволновались и загалдели наперебой, каждый хотел высказаться первым. Норе дочь, усевшаяся напротив, показалась исхудавшей и бледной.

- Хочешь послушать д-дублинский акцент? – спросил Донал.

- Мы были на Мур-стрит, – пояснила Нора.

- Персьики, спелыйе персьики, – нараспев произнес Донал, ни разу не заикнувшись.

- Вдруг это пук, – добавил Конор.

- Очень смешно, – сказала Фиона. – Извините за опоздание, автобусы приходят то по два и по три, а потом ждешь их до посинения.

- Я хочу прокатиться в двухэтажном, наверху, – заявил Конор.

- Конор, дай Фионе сказать, потом расскажешь, – оборвала его Нора.

- Хорошо гуляется? – спросила Фиона.

У нее была робкая улыбка, но взрослый и уверенный тон. За несколько месяцев она изменилась.

- Да, но уже притомились и хотим посидеть.

Похоже, никто не знал, о чем говорить дальше. Нора поняла, что ответила чересчур формально, словно беседовала с незнакомкой. Фиона заказала кофе.

- Что-нибудь купили? – спросила она.

- Особо времени и не было, – сказала Нора. – Только книжку.

Нора отметила, как отрывисто и деловито заказала Фиона кофе и как острым, почти критическим взглядом осмотрела кафе. Но, заговорив с братьями, она

снова обратилась в девчонку.

- От Айны что-нибудь слышно? - спросила Нора у дочери.

- Она написала мне короткое письмо. По-моему, боялась, что монашки читают почту, и она права, они так и поступают. Так что рассказала немного. Только о том, что ей нравится учитель-ирландец и у нее хорошие отметки за сочинение на французском.

- Мы можем на неделе ее навестить.

- Она это упомянула.

- Мы продаем дом, - вдруг громко объявил Конор.

- А жить на обочине будете? - рассмеялась Фиона.

- Нет, снимем в Карракло дом-фургон.

Фиона посмотрела на Нору.

- Я думаю продать дом в Куше, - сказала та.

- Я ждала этого.

- Но долго не решалась.

- Значит, продашь?

- Да.

Нора с удивлением заметила слезы в глазах дочери, хотя Фиона силилась улыбнуться. Она не плакала с похорон Мориса, просто молчала и жалась к сестре и теткам, но Нора вполне угадывала ее чувства, хотя Фиона ничем их не выдавала. Нора не знала, что сказать ей.

Она отпила кофе. Мальчики молчали, сидели смирно.

- Айна знает? - спросила Фиона.

- Мне не хватило духу сообщить ей в письме. Скажу, когда увидимся.

- И ты решила твердо?

Нора не ответила.

- Я надеялась поехать туда летом, - призналась Фиона.

- Мне казалось, ты собираешься в Англию.

- Да, в конце июня, но я заканчиваю в конце мая. И хотела провести июнь в Куше.

- Прости, - сказала Нора.

- Он ведь любил этот дом?

- Отец?

Фиона опустила голову.

Нора увела Конора искать туалет. Вернувшись, она заказала еще кофе.

- И кому ты его продаешь? - спросила Фиона.

- Джеку Лейси. Сыну Мэй Лейси, тому, что в Англии.

- Мэй Лейси к нам приходила, - вмешался Конор.

Донал толкнул его и приложил к губам палец.

- Деньги сейчас придутся очень кстати, - сказала Нора.

- Через два года мне назначат постоянный оклад, - отозвалась Фиона.

- Они нужны сейчас.

- А пенсию ты не получишь? Разве с ней не выгорело?

Нора подумала, что зря, наверно, сказала о нужде в средствах.

- И тогда машину продавать не придется, - ответила она и попыталась дать Фионе понять, что не стоит тревожить мальчиков дальнейшими разговорами о деньгах.

- Летом там было славно, - сказала Фиона.

- Знаю.

- Жалко его терять.

- Будем отдыхать в других местах.

- Я думала, что этот дом всегда будет нашим.

Они какое-то время молчали. Норе хотелось уйти, отвести мальчиков обратно на Генри-стрит.

- Когда же ты его продаешь? - подытожила Фиона.

- Как только будет готов договор.

- Айна расстроится.

Нора сдержалась и не сказала, что ей невыносимо туда возвращаться. Она не сумеет признаться в этом при мальчиках, это прозвучит излишне эмоционально и чересчур многое выдаст.

Она встала:

- Как здесь расплачиваются? Я забыла.

- Надо попросить официантку подсчитать, - напомнила Фиона.

- И сказать, сколько б-булочек съела, - добавил Донал.

Когда они вышли на Уэстморленд-стрит, Нора захотела сказать Фионе что-нибудь еще, но не смогла придумать что. Фиона с потерянным видом стояла на тротуаре. На секунду Нора испытала нетерпение и досаду. Она начинает жизнь заново, она может жить где вздумается, заниматься чем хочется. Она не обязана возвращаться в город, где каждый знает про нее все и расписал ее судьбу на годы вперед.

- Мы пройдемся по Генри-стрит до моста Полпенни[8 - Арочный пешеходный мост через реку Лиффи.], - объявила Нора.

- На поезд не опоздайте, - сказала Фиона.

- А ты как поедешь в колледж?

- Я собиралась сначала на Графтон-стрит.

- Не пойдешь с нами на вокзал?

- Нет, у меня кое-какие дела. В центр я сегодня уже не вырвусь.

Они взглянули друг на друга, Нора почувствовала враждебность Фионы и поспешила напомнить себе, что и дочь тоже расстроена, и ей одиноко. Она улыбнулась и сказала, что им пора, а Фиона улыбнулась в ответ - и ей, и мальчишкам. Но стоило Норе зашагать прочь, как ее охватило ощущение беспомощности и раскаяние из-за того, что не утешила Фиону добрым словом - могла бы просто спросить, когда та приедет, или подчеркнуть, что дома ее всегда ждут.

На Талбот-стрит, по пути к вокзалу, Конор потратил оставшиеся деньги на леги, но не сумел решить, какого цвета выбрать кирпичики. Хотя Нора устала, она внимательно его выслушала и поделилась соображениями, пока Донал стоял в сторонке. Она улыбнулась кассирше, когда Конор передумал у самой кассы и вернулся обменять коробку на другую.

Стемнело и становилось холодно. Они устроились на разломанных пластиковых стульях в маленьком привокзальном кафе. Нора полезла в мешок за кошельком и обнаружила, что персики, которые еще несколько часов назад казались такими свежими и крепкими, превратились в месиво. Бумажный пакет открылся. Она выбросила персики в урну, так как везти их дальше не имело смысла, в поезде они бы еще больше раскисли.

Мальчики не учли, что на обратном пути будет темно, и, как только поезд устремился на юг, окна сплошь запотели. Они открыли коробку с леги, и Конор принялся играть, а Донал погрузился в чтение. Чуть погодя Конор перебрался на лавку к Норе, прижался к ней и заснул. Глянув на Донала, она отметила, до чего странно взрослым он выглядит, когда переворачивает страницы.

– Мы пойдём завтра в школу? – спросил он.

– Да надо, по-моему, – ответила она.

Он кивнул и снова уткнулся в книгу.

– А когда приедет Фиона?

Она знала, что ее слова, обращенные к Фионе в кафе, застрянут в его памяти и будут медленно крутиться там. Можно ли что-то сделать, чтобы он поменьше думал и переживал?

– Сам знаешь, что Фионе понравится дом на колесах.

– Что-то не похоже, – возразил он.

– Донал, нам надо учиться жить заново, – сказала Нора.

Он обдумал ее слова, будто то было сложное домашнее задание. А затем пожал плечами и вернулся к чтению.

Снимая пальто в чересчур натопленном вагоне, Нора осторожно подвинула Конора. Он на миг проснулся, но даже не разомкнул век. Она велела себе не забыть разузнать о домах-фургонах в Карракло.

Мысленно она снова перенеслась в Куш и попыталась вспомнить летний день: дети сдергивают с вешалки одежду и полотенца, стремглав несутся на пляж; она и Морис в сумерках идут по тропинкам домой, отгоняя роящихся мошек, на подходе к дому слышат, как дети в комнате играют в карты. Все кануло в прошлое и не вернется. Дом опустел. Она представила жалкие в темноте комнатухи. Неприятливые. Вообразила стук дождя по оцинкованной крыше, дребезжание дверей и окон на ветру, голые каркасы кроватей, спящих в щелях насекомых, беспощадное море.

Поезд приближался к Эннискортти, а ей казалось, что дом в Куше засасывает всепроникающее запустение.

Проснулся Конон, огляделся и сонно ей улыбнулся. Потянулся и приник к ней.

– Мы почти приехали? – спросил он.

– Уже скоро, – ответила она.

– А где мы поставим в Карракло фургон – возле Уиннинг-Пост[9 - Небольшой отель.] или на холме?

– Конечно, возле Уиннинг-Пост.

Она поняла, что поспешила с ответом. Донал и Конон серьезно отнеслись к ее словам. Конон глянул на Донала, выясняя его реакцию.

– Это т-точно? – спросил Донал.

Поезд замедлил ход, и ей впервые за день удалось рассмеяться.

- Точно? Разумеется, точно.

Поезд дернулся и остановился, они быстро собрали вещи. У выхода из вагона им встретился билетный контролер.

- Спроси его о т-туалетах, - шепнул, толкнув ее, Донал.

- Я скажу ему, что это ты интересуешься.

- Может быть, этот чудик поедет с нами дальше, в Росслар? - осведомился контролер.

- О нет, ему завтра в школу, - ответила Нора.

- Я не чудик, - огрызнулся Донал.

Контролер рассмеялся.

* * *

Выехав с привокзальной площади, она кое-что вспомнила и почти тут же поняла, что делится этим с мальчиками.

- Мы только поженились, и дело было, наверно, во время отпуска, летом; однажды утром мы приехали на вокзал, а поезд ушел, опоздали всего на секунду. Господи, как мы расстроились! Но в тот день дежурил не начальник станции, а молодой парень, который учился у вашего папы, - он-то и посоветовал нам сесть в машину, доехать до Фернса, а там он поезд задержит. Туда было всего шесть или семь миль, и вот так мы успели и добрались до Дублина.

- А к-кто вел м-машину - ты или он? - спросил Донал.

- Вел папа.

- Ну и гнал же, наверно, - заметил Конор.

- Он в-водил лучше, чем ты? - снова Донал.

Она улыбнулась:

- Он был хорошим водителем. Ты помнишь?

- Я п-помню, как он однажды п-переехал крысу.

На пустынных улицах других машин не было. Мальчики оживились, они были расположены поговорить, засыпать ее вопросами. Нора подумала, что дома разведет огонь и их быстро сморит после долгого дня.

- Но п-почему вы на машине не поехали с-сразу в Дублин, зачем вам понадобился п-поезд? - удивился Донал.

- Не знаю, Донал, - призналась она. - Надо подумать.

- А мы сможем как-нибудь поехать в Дублин на машине? - спросил Кононор. - Будем останавливаться, где захотим.

- Конечно, сможем. - Она уже свернула к дому.

- Здорово было бы, - сказал он.

* * *

Дома она быстро разожгла камин, мальчики надели пижамы и приготовились лечь спать. Оба притихли, и она знала, что заснут они мигом, как только погасят свет. Интересно, приходил ли сегодня кто-нибудь? Нора представила, как некто приближается в темноте к дому, стучит в дверь, и ждет ответа, и стоит, и мается, а после уходит.

Она налила себе чаю и села перед камином в кресло. Включила радио, но передавали спортивные новости, и она его выключила. Поднявшись к мальчикам, убедилась, что они крепко спят, и какое-то время постояла, глядя на

них, потом вышла и притворила дверь. Внизу решила посмотреть телевизор – вдруг попадется что-нибудь интересное. Подошла, включила и стала ждать картинки. Чем заполнить вечерние часы? Она бы все отдала, только бы снова очутиться в поезде, вернуться на улицы Дублина. Когда телевизор ожил, выяснилось, что идет американское комедийное шоу. Она немного посмотрела, но закадровый смех раздражал, и она выключила телевизор. Дом погрузился в тишину, только поленья потрескивали в камине.

Она подумала о купленной в Дублине книге и не смогла вспомнить, с чего вдруг ее выбрала. Вышла в кухню и поискала в сумке. Открыла книгу, но почти сразу отложила в сторону. Смежила веки. В дальнейшем, когда мальчики заснут, она станет посвящать эти часы себе. Найдет, чем их занять. За тихие зимние вечера она придумает, как жить дальше.

Глава вторая

Тетушка Джози без предупреждения явилась в последнюю субботу января. Нора развела в дальней комнате огонь, мальчики там увлеченно смотрели телевизор, а она мыла в кухне посуду. Услышав стук, Нора подумала, что надо бы снять фартук и глянуть в зеркало, а уж потом открывать, но вместо этого небрежно вытерла о фартук руки и быстро пересекла небольшую прихожую. Припав к заиндевевшему снаружи глазку, она заранее знала, что это Джози; в тетушке, стоявшей на крыльце, даже сквозь дерево и стекло двери угадывались и твердость, и неотвратимость, и нетерпение.

– Я ездила в город, Нора, – объявила Джози, как только та открыла дверь. – И Джон меня подбросил. У него какие-то дела, но он меня заберет попозже. Так что я решила проведать тебя.

Нора увидела, как Джон, сын Джози, удаляется по дорожке. Она придержала дверь, пропуская тетушку в прихожую.

– А мальчики где?

– Смотрят телевизор, Джози.

- Они здоровы?

Нора сообразила, что не может отвести тетушку в гостиную. Электрокамин выключен, так что там слишком холодно. А если проводить ее в дальнюю комнату, то Джози тут же затеет болтать, и мальчикам придется либо выключить телевизор, либо усесться к нему вплотную. Нора не помнила, какую передачу они смотрят и когда она закончится. В последнее время мальчики редко сидели вот так, вместе; ей стало жаль покоя, что царил в доме до появления Джози.

- Что ж, натоплено у тебя изрядно, - оценила тетушка.

Она поздоровалась с мальчиками, и те настороженно привстали.

- О, да они с каждым разом все выше, полюбуйтесь-ка на этих человечков! Донал уже ростом с меня.

Нора заметила, как Донал с Конором покосились в ее сторону, и чуть не попросила Джози помолчать, пока не закончится передача.

- А девочки? - осведомилась Джози. - Как они поживают?

- О, вполне неплохо, - тихо ответила Нора.

- Фиона не приехала на выходные?

- Нет, решила остаться в Дублине.

- А как Айна?

- Постепенно осваивается, Джози.

- Банклоди - очень хорошая школа. Я рада, что она там.

Нора подложила в огонь несколько поленьев.

– Я принесла тебе книги, – сообщила Джози, ставя на пол хозяйственную сумку. – Не знаю, как ты к ним отнесешься; тут несколько романов, а остальное можно назвать теологией, хотя они не такие скучные, как кажется. Сверху – книга Томаса Мертона[10 - Томас Мертон (1915–1968) – американский поэт, монах-траппист, богослов, преподаватель, публицист, общественный деятель, проповедник дзэн-католицизма.], я тебе уже о нем говорила, сразу после похорон, а еще есть Тейяр де Шарден[11 - Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) французский католический философ и теолог, биолог, геолог, палеонтолог, археолог, антрополог.]. Я рассказывала про него Морису в больнице. Но ты сама все прочтешь.

Нора посмотрела на Конора и Донала. Они уставились в телевизор. Она была готова предложить им прибавить звук.

– Но хорошо, что все так замечательно устроились, – продолжала говорить Джози. – Айне нужно прилежно учиться. Времена нынче трудные, везде конкуренция.

Нора вежливо кивнула.

– Передача скоро закончится. Мальчики редко смотрят телевизор, но эта программа им нравится.

Донал и Конора не отрывали глаз от экрана.

– О, ну у меня-то они быстро превратятся в завзятых книголюбцев, на пару. Телевизор у нас только для новостей. А не ради этих дрянных американских программ. Бог знает, о чем только не балаболят в этих передачах.

Донал обернулся, желая что-то сказать, и Нора поняла, что заикание усилилось, он не смог выговорить даже первое слово. Ни разу прежде она не видела, чтобы он так тужился, чтобы терпел фиаско еще до того, как звуки сорвутся с губ. Младший брат потянулся к нему, словно желая помочь. Она попыталась угадать, что Донал хочет сказать, ощутила желание прервать сдавленное стаккато, которое он издавал, морща от напряжения лоб. Вместо этого она отвернулась, надеясь, что он успокоится и совладеет со словами. Но Донал, осознав, что ничего у него не выходит, оставил попытки и, чуть не плача, снова уткнулся в экран.

Нора погадала, а есть ли на свете место, куда они могли бы сбежать; найдется ли городок или район Дублина с похожим домом, скромным одноквартирным домиком у обсаженной деревьями дороги, куда к ним никто не придет и где они будут только вдвоем, одни. А после поймала себя на следующей мысли: бегство в такое место подразумевает забвение случившегося, означает, что ей удастся сбросить бремя, что прошлое будет принято и переведено в безмятежное настоящее.

– Нора, ты разве со мной не согласна? – спросила Джози, пристально на нее глядя.

– Господи, Джози, не знаю я, – ответила Нора, вставая и сясь понять, не сменила ли та тему. И сочла за лучшее предложить тетушке чаю с сэндвичем или печеньем.

– Не хлопочи, мне только чашечку, – сказала Джози.

На кухне Нора с облегчением улыбнулась. Она знала, что мальчики не оторвутся от телевизора, пока Джози не потребует этого прямо и категорично, а по тишине в комнате было ясно, что Джози все еще обдумывает, с помощью какого вопроса сумеет завладеть их вниманием. Вскипятив воду и собрав поднос с чашками и блюдами, Нора прислушалась, но различила лишь приглушенные голоса из телевизора. Пока мальчики побеждали.

Наконец передача закончилась, и сыновья вскочили, готовые удрать. Нора вдруг поняла, что не видела их прежде такими – не просто дичками, но резкими, почти грубыми. Лицо у Донала пылало, он отводил взгляд.

Джози пустилась рассказывать о намеченных огородных трудах, о большой грядке под овощи, которую затеяла разбить за гумном, затем переключилась на соседей. Когда мальчики ушли, а телевизор умолк, Джози заговорила о минувшем Рождестве:

– По мне, так здорово, что Рождество прошло. Весь январь об этом твержу. И дни уж подлиннее стали.

– Мы отпраздновали тихо, – сказала Нора. – И я тоже рада, что все позади.

– Но ведь девочки приезжали – разве не радость?

– Да, это было приятно. Но каждый думал о своем, и временами мы не знали, о чем говорить. Все старались как могли.

Восхитившись вязаной кофтой Норы, Джози принялась рассуждать об одежде и моде, которые, подумала Нора, ее обычно не интересовали.

– В Уэксфорде есть магазин, “Фитцджералд” называется, я углядела его, когда мимо шла, а беда была в том, что мне оказалось нечем занять два часа, пока Джон не покончит с делами. И вот я вхожу, а там очень милая служащая, сама любезность. И я стала мерить костюмы, а потом она принесла все аксессуары. Ты бы видела цены! Представь, она нарядила меня раз десять и пошла смотреть, что найдется еще, получше. А я-то просто убивала время. Заняла себя на добрый час. А она знай свое: и такой цвет, и сякой, и этот оттенок, и такого покроя, и вот вам, пожалуйста, последняя мода, и это вам идет, а это не идет. А когда я оделась в старое и собралась уходить, она разоралась – мол, зря потратила на меня время. И до дверей за мной пошла, и сказала, чтобы ноги моей больше не было в ее магазине.

У Норы чуть не закололо в боку от смеха. Джози осталась серьезной, и только в глазах плясали чертики.

– Так что за весенним гардеробом я в “Фитцджералд” не пойду, – печально произнесла она и покачала головой. – Ну и нахальная баба! Просто отпетая дрянь.

Джози замолчала, порылась в сумочке и вынула большой конверт.

– Вот, Нора, я малость прибирала в старом доме, а это со мной бывает не часто, или я начинаю и потом бросаю, и получается такой разгром, что покойный муженек на том свете, наверно, когда-нибудь разведется со мной из-за свинства. Быть мне разведенной вдовой. Так или иначе, я наткнулась на это. Они, должно быть, так и лежали у меня, и я решила тебе показать.

В конверте была старая, цвета сепии папка с черно-белыми фотографиями в одном отделении и негативами в другом; корешок папки был безнадежно

истрепан. Вынув снимки, Нора мгновенно узнала отца и мать, а потом поняла, что ребенок у них на руках – это она сама; на следующей фотографии родители стояли рядом и горделиво позировали – она решила, что им, наверно, еще нет тридцати; оба нарядно одеты. На остальных снимках тоже были они – либо вдвоем, либо порознь, а кое-где встречалась и она, младенец.

– Я и не подозревала об их существовании, – призналась Нора. – Никогда раньше не видела.

– Наверно, снимала я, но не уверена, – сказала Джози. – Я знаю, что камера у меня была, а больше в то время – ни у кого, и я, должно быть, напечатала их и забыла.

– Правда, он был красавец?

– Твой-то отец?

– Да.

– О, еще какой. Мы, помнится, твердили ей, что если за него не выйдет она, то его приберет к рукам другая, и скоро.

– И ты думаешь, что мама с папой тоже ни разу не видели этих снимков?

– Если это не дубликаты, – ответила Джози. – Я просто не знаю. Странно, что не помню. Снимать мог кто-то другой, но в этом случае откуда они у меня.

– Забавно, как мало они тогда знали, – сказала Нора. – Как мало знали мы все. Обо всем. Я была с ним, когда он умер.

– Вы все были с ним.

– Нет, не все, только я. Мне было четырнадцать.

– Твоя мама постоянно говорила, что у его постели находились вы все, когда он умер. Нора, это ее слова.

– Я знаю, но она все выдумала. Это неправда. Она говорила мне это даже в лицо. Но я была с ним одна и выждала минуту или две, а уж потом сбежала по лестнице. Он умер, а я молча сидела рядом. А после, когда сообщила маме, она с криком выскочила на улицу; я так и не поняла зачем, и после этого к нам явился чуть ли не весь город, а тело еще не остыло.

– Наверно, пришли вознести молитву Пресвятой Богоматери.

– А, ну да, Богоматери. Надеюсь, я больше не услышу молитв Богоматери.

– Нора!

– Так и есть. Бог свидетель, это правда. Я тоже могла помолиться с тем же успехом.

– Бывает, что молитвы даруют немалое утешение.

– Что ж, меня они не утешают, Джози. Во всяком случае, молитвы Пресвятой Богоматери.

Джози взяла фотографии и начала их просматривать.

– Ты всегда была папиной любимицей, даже после рождения остальных.

Она протянула Норе фото, где та сидела у матери на колене. Нора отметила, что мать позирует перед камерой в напряженной позе, а ребенок вроде и не совсем ее.

– По-моему, она не понимала, как с тобой обращаться, – сказала Джози. – А ты с пеленок знала, чего хочешь.

– Двоим другим было проще, – заметила Нора.

Джози разобрал смех.

– Помнишь, что она про тебя сказала? Я сама виновата: спросила, кого из двоих зятьев она любит больше, а она ответила, что чем больше думает, тем сильнее убеждается, что оба зятя и обе младшие дочери ей нравятся больше, чем Нора. Я даже не спросила почему. Не знаю, чем ты тогда провинилась.

– Я тоже. Но что-нибудь наверняка натворила. А может, и нет. Может, ничего и не сделала.

Джози опять рассмеялась.

– Ты мне чуть голову не оторвала, когда я тебе тогда рассказала.

– А по-моему, мне это показалось смешным. Но, может, это я позже так решила.

– Короче, я нашла эти снимки и уверена, что Пэт Крейн может напечатать с негативов еще, если кому-то захочется.

– Они огорчатся, что их нет на фото.

– А мне кажется, напротив, обрадуются неизвестным карточкам с вашей мамой в молодости. Она тогда вряд ли много снималась. Они с удовольствием посмотрят, какой она была.

Нора уловила подтекст, предполагавший, что она-то явно удовольствия не испытывает. Она посмотрела на Джози и улыбнулась:

– Да, в самом деле.

* * *

Перед уходом Джози мальчики спустились пожелать спокойной ночи. Позднее Нора поднялась взглянуть на них, они спали. Заперев двери и погасив внизу свет, она прошла в спальню и приготовилась ко сну. В постели она почитала предисловие к книге Томаса Мертонa, которую принесла тетушка. Обнаружив, что не может сосредоточиться, Нора выключила свет и какое-то время лежала в темноте, медленно погружаясь в сон.

Проснувшись, она не поняла, сколько времени, но решила, что глубокая ночь. Кто-то из мальчиков закричал. Так громко и пронзительно, что Нора подумала: не иначе, кто-то вломился в дом. Она прикинула, не открыть ли окно, чтобы кликнуть соседей – может, кто-то проснется и вызовет полицию.

Новый вскрик, и она поняла, что это Донал. Но еще больше ее напугало молчание Конора, и она снова подумала, что лучше, наверно, выбежать и позвать на помощь, а не мчаться к мальчикам. Открыв дверь своей спальни, она вышла на площадку и услышала голос Донала – он что-то бормотал, затем снова раздался крик. Всего лишь кошмар. Она вошла к мальчикам и зажгла свет. Донал открыл глаза, увидел ее и закричал еще пронзительней, будто именно матери и боялся. Она шагнула к нему, и он съежился, выставил руки, словно защищаясь.

– Донал, это сон, просто сон, – сказала она.

Он уже не кричал, а плакал, раздирая ногтями плечи.

– Милый, это всего-навсего сон. Всем иногда снятся страшные сны.

Она повернулась к Конору. Тот невозмутимо смотрел на нее.

– Все хорошо? – спросила она.

Он кивнул.

– Надо дать ему молока. Хочешь молока, Донал?

Тот раскачивался взад и вперед, не отвечая, всхлипывая.

– Ничего не случилось, – ласково сказала Нора. – Честное слово, ничего.

– Случилось, – тихо возразил Конор.

– Что? – спросила Нора.

Конор не ответил.

– Конор, ты знаешь, что с ним стряслось?

– Он каждую ночь во сне стонет.

– Но не как сегодня.

Конор пожал плечами.

– Донал, что тебе приснилось?

Донал продолжал раскачиваться, но уже притих.

– Давай я тебе налью молока, а ты расскажешь. Хочешь печенье?

Он помотал головой.

Она спустилась и налила два стакана молока. Взглянула на кухонные часы: без четверти четыре. За окном стояла кромешная тьма. Когда она вернулась в спальню сыновей, мальчики смотрели друг на друга, но при ее появлении отвернулись.

– В чем дело? – спросила она. – Страшный сон, и все?

Донал кивнул.

– Ты помнишь, что тебе приснилось?

Он снова заплакал.

– Хочешь, я оставлю включенным свет? И дверь открытой. Так ведь лучше?

Он кивнул.

- Что он говорил во сне? – спросила Нора у Конора.

Она заметила, что Конор мнется.

- Не знаю, – проговорил он наконец.

- Это из-за Джози? – Нора снова посмотрела на Донала. – Ты из-за тетушки Джози расстроился? Не особо ее любишь?

Нора переводила взгляд с одного на другого.

- Вы оба не любите, да?

Мальчики не ответили. Конор уже собирался свернуться под одеялом. К молоку он не притронулся. Донал пил медленно, стараясь на нее не смотреть.

- Тогда поговорим утром?

Донал кивнул.

- Как следует выспимся и пойдем на одиннадцатичасовую мессу, – сказала она.

Мальчики снова переглянулись.

- Что-то не так?

Донал смотрел ей через плечо, будто увидел что-то в коридоре. Она оглянулась, но ничего примечательного не обнаружила.

- Свою дверь я тоже оставлю открытой. Годится?

Донал еще раз кивнул.

- Заснуть сумеешь? – спросила Нора.

Донал допил молоко и поставил стакан на пол.

– И зови меня, если снова приснится страшное.

Он выдавил улыбку.

– Может, оставить свет и в комнате, и в коридоре?

– Хорошо, – прошептал он.

– Если уж ты проснулся, то кошмар больше не вернется, – сказала Нора уже в дверях. – Думаю, что теперь все будет в порядке.

* * *

Утром, когда она подала завтрак, стало ясно, что Донал не расскажет сон, даже если вспомнил, и Нора решила не заговаривать о нем, пока он или Конор сами не заведут речь: если заикливаться на ночном происшествии, то страхи Донала только усилятся. Она сходит к доктору Кадигену и спросит, как быть с заиканием, но Донала с собой не возьмет. Нора считала, что если заострять на этом внимание, то станет лишь хуже. Может быть, пройдет само собой. Из школы на сей счет ничего слышно не было, и она задалась вопросом, не заикается ли Донал исключительно дома. Мысль о том, что мальчик останется заикой на всю жизнь, да хотя бы до юности, так ее напугала, что она постаралась больше об этом не думать.

Когда она завтракала с мальчиками, шла с ними по Бэк-роуд в собор, а затем во время мессы, перед ее глазами вновь и вновь возникала картинка из вчерашнего вечера: как мальчики вскидываются при виде Джози. В глазах Конора, да и в глазах Донала металось странное беспокойство, почти ужас. Тогда она решила, что это из-за телевизора, который могли выключить. Но и ночью, когда Донал очнулся от своего кошмара и она помянула Джози, оба притихли. Нора решила, что попозже, как только выдастся случай, снова заговорит о Джози и посмотрит, что будет, но тут же подумала, что лучше до поры не ворошить эту тему, пусть сначала Донала перестанут мучить кошмары, мальчики привыкнут к новой жизни и постепенно осознают, что отец умер, но жизнь продолжается, что все меняется, и кое-что, может, даже и в лучшую сторону.

* * *

И хотя о Джози никто из них не заговаривал, реакция мальчиков на нее наполняла дом напряжением до конца недели, и Нора задумалась, уж не явилась ли Джози с какой-то проверкой, не захотела ли выяснить, как отнесутся к ее появлению мальчики, не рассказали ли они что-нибудь про нее Норе. Она восстанавливала в памяти визит Джози – как та с порога принялась без умолку трещать, будто нервничала. Мальчики провели с Джози два месяца, пока умирал Морис, но после похорон они не виделись. И, когда та вошла, они, конечно, должны были скорее обрадоваться, поболтать с ней, повспоминать совместное житье-бытье, может, и пошутить или говорить об общих делах. Нора подумала, что Джози внезапно отдалилась от них, как и они от нее, словно она вдруг стала посторонней, а то и похуже.

В пятницу на выходные приехала Фиона. На следующий день Нора сообщила ей и мальчикам, что едет в Уэксфорд за покупками и вернется к чаю. Фиона оторвалась от книги, но ничего не сказала. А мальчики, по мнению Норы, были слишком малы, чтобы представить, будто мама способна обмануть насчет того, куда едет.

Она направилась к Банклоди, но у реки свернула к дому Джози. Подумала, что может не повезти – Джози вполне могла уйти или у нее гости, но Норе казалось, что лучше пожаловать именно так, без предупреждения, и сделать это нынче же, иначе придется терзаться догадками о том, что могло случиться, когда мальчики жили у Джози во время болезни Мориса.

Она умышленно не загадывала, что скажет и даже с чего начнет. Она просто поехала к Джози, решив, что поймет, о чем говорить, как только ее увидит. Тетушка Джози построила себе отдельный домик рядом со старым, деревенским еще, домом, когда Джон женился, а она перестала преподавать. Тетушка гордилась проектом, ибо дом выглядел как часть основного – с такими же окнами и такой же черепичной крышей. Она соорудила летнюю террасу, гостиную наверху с видами на горы и маленькую спальню, а рядом – ванную комнату. Внизу устроила еще одну спальню, смежную с ванной, и уютную общую комнату с открытым камином и примыкающей кухонькой. Джози любила объяснять гостям, что дверные проемы и ванны комнаты специально сделаны, чтобы проходила коляска, но она пока не решила, на каком этаже будет жить, когда тело ей откажет. Ее веселила сама мысль об этом. Свои дни она

проводила, работая в огороде, читая, слушая радио и болтая по телефону.

Нора попыталась вспомнить, как вышло, что мальчики прожили у нее целых два месяца, – попросила ли она об этом или предложила Джози. Она перенеслась в прошлое, но некоторые картины были столь подробны, а отдельные часы вмещали столько совсем еще свежих в памяти моментов, что прочее время виделось как бы сквозь залитое дождем стекло. Вот они с Морисом в приемном покое, вот она понимает, что он может не вернуться из больницы. Минута, когда он сказал, что хочет еще раз взглянуть на небо, а она пусть побудет внутри, он один выйдет. А затем – его слезы, когда он остановился у двери. Все эти мгновения были слишком живы и отчетливы, они заслоняли такие детали, как договоренность с Джози о мальчиках.

Ей следовало помнить произошедшее, она это знала. Нет, дело не выглядело так, будто она была безучастна и словно отсутствовала. Но о чем бы они с Джози ни условились, она не сомневалась, что в тот момент это представлялось естественным, очевидным решением. Она была благодарна Джози за то, что та взяла мальчиков; она и сейчас ощущала облегчение – от того, что дети находились в надежном месте, что не видели, как Морис вернулся домой, как он угасал, не видели всего того, что сопровождало это угасание.

Конечно, он умер не дома. Ей пришлось перевезти его за город в Браунсвуд, старую туберкулезную лечебницу, которую переделали в больницу общего профиля; у него слишком усилились боли, он ходил под себя, а у нее почти не осталось сил. С закрытыми глазами он лежал на носилках, уже несколько дней он не мог выговорить ничего внятного, но она знала – он понимает, что покидает дом навсегда. Она держала его за руку, но всякий раз, когда он пытался сжать ее ладонь, пальцы его не слушались и обращались в клешню. По крайней мере, мальчиков избавили от этого зрелища.

По длинной разбитой дорожке она подъехала к дому Джози, открыв по пути и захлопнув пару железных ворот, стараясь не наступить в грязь, отмечая неприкрытые канавы с обеих сторон и какие-то ярко-красные цветы, названий которых не знала. Небо темнело, над горами Блэкстэйрс нависали низкие тучи. Стоя на гравиевой тропке, она обнаружила, что дрожит. Нора не знала, как лучше, постучаться сперва в старый дом или обойти его и стукнуть в дверь кухни – единственный вход в крыло Джози. Поскольку старый дом не подавал признаков жизни, она пошла в обход, утопая в высокой траве. Она подумала, что недавно, видимо, прошел дождь – посильнее, чем в городе. Заглянув в окно,

Нора увидела кресло со столиком, на котором лежали очки и газета, а на другом столе – ваза с яркими лилиями и теми самыми красными цветами, которые она заметила в канаве. В следующем окне она увидела неприбранную двуспальную кровать; на полу валялись книги, будто упавшие с постели. Нора с улыбкой подумала, что Джози хорошо на покое.

Она побарабанила в дверь кухни, но никто не ответил. Стояла мертвая тишина, внезапно поразившая ее, – полное безмолвие, которое нарушалось лишь далеким мычанием коров и слабым рокотом трактора, поначалу вроде бы приближавшимся, но потом удалявшимся. Нора оглянулась на березы и лиственницы, за которыми еле виднелись оцинкованные навесы на гумне. В траве пролегла тропинка к месту, где, как она знала, когда-то находилась фруктовая роща. Она помнила годы с небывалым урожаем яблок и груш, которых созревало столько, что ухаживать за деревьями становилось незачем, никто их не обрезал, – или, может, так рассказывала ей Джози; а позже, после сказочных урожаев, деревья погибли – то ли все, то ли часть, а уцелевшие перестали плодоносить, разве что уцелели яблони, дававшие никчемные райские яблочки. Джози заявила, что куда проще и удобнее покупать яблоки в супермаркете, а жесткие груши из сада никто никогда не любил – они не становились вкуснее, даже если им давали вылежаться.

Но Джози решила разбить новый сад – за старой фруктовой рощей возле гумна. Джон вскопал землю, а она накупила книг и справочников по садоводству и огородничеству. Ей нравилось рассказывать, что на склоне лет она мало-помалу научилась ценить прелести загородной жизни и впервые постигла смысл не только удобрений, но и самой почвы, да и времен года. Подныривая под ветви и сторонясь колючих кустов, Нора углублялась в сад, разыскивая тетушку, и буквально слышала, как она это говорит.

Нора перешагнула через невысокий забор, отделявший огород. Джози выращивала что-то, для чего требовалось натягивать проволоку. Может быть, ежевику – Нора толком не знала. Сбоку тянулись аккуратные картофельные грядки. За ними – цветочные, но без цветов. Похоже, дел тут было невпроворот, и Нора подивилась: как только у Джози выдерживает поясница? Тут она увидела тетушку и поняла, что Джози уже какое-то время тайком за ней наблюдает.

– Нора, ты погубишь туфли, – сказала Джози. Она держала грабельки, в волосах застряли былинки. На руках были большие, не по размеру, перчатки.

– Я тебя не заметила.

– А я решила дать тебе полюбоваться моими трудами.

В тоне Джози проступал вызов, как будто на ее территорию вторглись. Наверно, подумала Нора, ей непонятно, зачем она пожаловала, и все же ведет беседу так, будто все в порядке.

– По-моему, на сегодня достаточно, – сказала Джози. – Я часто впрягаюсь спозаранку, надо ведь заранее подготовить все, чтобы высадить однолетники, когда погода улучшится. А потом иду читать газету, завтракаю, а после снова прихожу взглянуть на сделанное. К этому часу я уже обычно закругляюсь. Вот и сейчас пришла просто полюбоваться и немного прибрать.

Сжав губы, она с озабоченным видом направилась к Норе – размеренно, неспешно.

– Вот доживешь до старости, Нора, тогда поймешь. Странное такое чувство – радость от всякой мелочи ничтожной пополам с недовольством всем на свете. Не знаю, что это такое. Не так уж я устаю, но только проснулась, и уже полумертвая.

Она оперлась на руку Норы, перебираясь через оградку, стянула перчатки, когда они двинулись через рощу.

– Идем наверх, – пригласила она уже в доме. – Там прибранней, есть новая чайная машина, а на площадке плитка и всякое прочее. Дай только сполосну руки, умоюсь, и через минутку я тут как тут.

Нора забыла, какие в верхних комнатах высокие потолки. Серый, давящий, какой-то водянистый свет лился на серый же ковер, на белые стены, на темно-синие абажуры, синие подушки на тахте, синие шторы, узорчатый коврик и высокий, забитый под завязку стеллаж, этот свет придавал комнате своеобразный, неожиданный шик, о котором и не догадаешься, глядя на дом снаружи, с гравиевой дорожки или из мертвой фруктовой рощи.

Нора встала у окна, посмотрела на улицу, и до нее впервые дошло, какой сумбур внесли ее сыновья в эти комнаты, обставленные с такой заботой. Даже здешний хаос был частью существования Джози, ее жизни, в которой не предусматривались помехи. Тогда Нора думала, что разумнее оставить их с тетужкой, а не с сестрами. Она не повезла их в Килкенни к Кэтрин, хотя та предлагала, поскольку своих у нее нет. А Уна, младшая сестра, переехала к ним, присматривать за Айной и Фионой, когда та приезжала на выходные. Уны просто не хватило бы еще и на двух мальчишек; не по силам это было и Маргарет, сестре Мориса, хотя она и ворковала над ними. Нора не могла оставить их и на попечение соседей или кузенов. А у Джози были и место, и время, и жила она достаточно близко к городу; мальчишки знали и ее, и Джона, и его жену; они знали и старый сельский дом, и даже сооруженную Джози пристройку. В то время подобный выход представлялся разумным. Но почему-то не теперь, когда Нора, глянув в окно, повернулась и обвела глазами пространство, которое Джози устроила себе для покойной старости, – напрасно она так надолго оставила здесь мальчиков.

Джози причесалась и надела кашемировый свитер. Она вкатила столик на колесиках с чайником, двумя чашками, блюдцами, сахарницей и кувшином молока.

– Пусть чай настоится, – сказала она и подошла к окну. – Здесь замечательно, когда погода хорошая и работает отопление, тепло и зимой. Меня беспокоили обогреватели. Я боялась пересушить воздух, но все работает...

– Джози, я хотела спросить о мальчишках, – перебила ее Нора.

– Они в порядке? – Джози направилась к столику.

– Я ни разу не спросила, каково с ними было.

– Каково было мне? – уточнила Джози.

Нора не ответила.

– Нора, я же сама предложила и не кривила душой.

- Каково было им? – тихо сказала Нора.

- Ты меня в чем-то обвиняешь?

- Нет, просто спрашиваю.

- Ну так сядь и не смотри на меня так.

Нора села на тахту, а Джози устроилась рядом в кресле.

- Донал стал заикаться.

- Да, Нора, это здесь началось.

- И с Конором я тоже не понимаю, что творится. А у Донала был в субботу кошмар. Не описать словами, какая жуть.

Джози подтянула столик поближе и принялась разливать чай.

- Молоко и сахар добавь сама. У меня не получается рассчитать.

- Что с ними здесь произошло? – спросила Нора.

Джози положил в чай кубик сахара и долила молока. Отпив, поставила чашку на столик.

- По-моему, им досаждала тишина, – сказала она.

- Тишина? И все?

- Да. Они же городские. И надо было, наверно, свести их с местными ребятами, пусть бы играли, но они не захотели. Так что засели здесь. А тут тихо. И они все ждали тебя, но ты так и не приехала. Они вскидывались, побросав все дела, как только слышали вдали шум мотора. А время шло. Не знаю, о чем ты думала – оставила их здесь и ни разу не навестила.

– Морис умирал.

– Конор писался чуть не каждую ночь. Не понимаю, о чем ты думала, бросая их здесь так надолго, – повторила Джози.

– У меня не было выхода.

– Что ж, ничего не поделать. Ты надеялась, что они вернуться, не изменившись?

– Не знаю, на что я надеялась. Решила приехать и спросить.

– Ну вот и спросила, Нора.

Обе надолго замолчали. Нора несколько раз порывалась что-то сказать, но каждый раз осекалась.

– Я ухаживала за Морисом, – выговорила она наконец.

– Объясняй, как хочешь, я вовсе не в претензии. Когда Конор пригорюнился, я попробовала поговорить с ним и успокоить, но не знала, скоро ли ты появишься. О чем думал Донал, я понятия не имела. Он из тех, за кем приходится следить, а может быть, нужно и за обоими глаз да глаз. Я звонила тебе в гостиницу, но ты не перезванивала.

– Ситуация ухудшалась с каждым днем.

– Я звонила, а ты не перезванивала.

– Телефон разрывался, все хотели узнать.

– Я – “все”, что ли?

– Я не знала, как надолго...

– И мальчики не знали. Так что мы тут все лезли из кожи вон. К концу им стало лучше. Под конец Конор лишь иногда писался в постель.

- Я не знала про постель. Спасибо тебе за все.

- Тогда возвращайся к ним.

- Так и сделаю, Джози.

Она не допила чай, поднялась. Немного выждала на случай, если и Джози встанет, но та осталась на месте. Тетушка сидела в кресле, подавшись вперед, глядя в пол и ссутулившись.

- Может, мы скоро тебя проведем, - сказала Нора.

- Я зайду, когда снова буду в городе.

Нора спустилась по лестнице и обошла дом, направляясь к машине. Был еще день. Взглянув на часы, она обнаружила, что визит не продлился и получаса. У нее оставалось время заехать при желании в Уэксфорд и пройтись по магазинам.

Глава третья

Джим, ее деверь, сидел в мягком кресле напротив нее у камина. Дождавшись, когда мальчики выйдут в переднюю комнату, он извлек из внутреннего кармана какие-то бумаги и протянул их Норе.

- Ты все еще хочешь прибегнуть к этим молитвам? - спросил он.

- Хочу, - ответила она.

- Мы надеялись, что ты передумаешь.

Маргарет, сестра Мориса и Джима, улыбнулась.

– Джим их не любит, – сообщила она Норе чуть ли не по секрету, как будто Джима рядом не было. – Бог свидетель, за наших с тобой мам мы подали только простые молитвы на поминальных карточках.

– Да и дороже обойдется, – добавил Джим.

– Ну, для Мориса это малость, – возразила Нора. – И устроит меня.

– Мы этих молитв вообще не знаем, – сказала Маргарет.

Нора взглянула на листок, который вручил ей Джим, и начала читать:

– “Слишком молод он для смерти, говорят они. Слишком молод? Скорее блажен тот, кто умер молодым, бессмертие обретя тем самым. Блажен тот, кто спасся от лап дрожащей старости”. Именно так. Он быстрее обрел бессмертие.

– Может, напечатаешь сама? – предложила Маргарет. – А мы подадим другую, попроще. У нас за городом старые родственники, целая куча в Килтили, да Райаны в Корке, и им это покажется странным, Нора. Все они захотят помянуть Мориса простой карточкой.

– Разве они не подумают, что мы откололись, если мы подадим отдельные карточки?

– Нора, они знают, насколько мы все близки, особенно сейчас.

– Это будет наилучшим выходом, – заметил Джим.

Норе было ясно, что они с Маргарет в деталях обсудили все это перед приходом. Она осталась довольна компромиссом и порадовалась, что не уступила, когда они пожелали ограничиться простыми поминальными карточками с такими же, как у всех, простыми молитвами.

Молчание вскоре нарушилось стуком в дверь. Кто-то из мальчиков открыл, и трое взрослых прислушались к женскому голосу в прихожей. Нора незаметно отложила листки; ей было непонятно, кто пришел. Она пересекла комнату и отворила дверь.

– О, миссис Уилан, входите, – сказала она. – Рада вас видеть.

Морис был уже полгода как мертв, и наплыв посетителей схлынул; бывали вечера, когда не приходил никто, и Нора испытывала облегчение. Она плохо знала миссис Уилан и сомневалась, что Морис учил ее сыновей. Она не исключала, что они поступили в профессиональное училище и могли вообще уехать из города.

– Я ненадолго, – сказала миссис Уилан.

Поздоровавшись с Маргарет и Джимом, она согласилась сесть, хотя не сняла ни пальто, ни шарфа.

– Мне нужно вам кое-что передать, и я не засижусь, не нужно ни чаю, ни чего-то еще. Я просто докладываю. Сейчас я работаю у Гибни – не знаю, в курсе ли вы. Короче говоря, Пегги Гибни просила передать, что будет рада вас видеть, и Уильям тоже, в любой день после обеда. Она там всегда, но если вы назовете день, то она уж точно будет на месте.

Нора заметила, что Маргарет и Джим пристально рассматривают миссис Уилан, они понимали, что это приглашение не случайно. Хотя Нора и Пегги Гибни учились в одной школе, они уже много лет не виделись. А до замужества Нора работала с Уильямом в конторе на мукомольном заводе, который принадлежал его семье, когда отец управлял фирмой. Теперь Уильям владел всем – не только мельницей, но и крупнейшим оптовым складом в городе. Нора знала, что они с Пегги не рассылают приглашения попусту. Переехав в старый отцовский дом и унаследовав все, Уильям стал недоступен, – или так она слышала.

– Миссис Уилан, меня устроит любой день, когда им будет удобно, – ответила Нора.

– Тогда, возможно, договоримся на среду? В три? Или в половине третьего?

– Средя вполне подойдет.

Миссис Уилан вторично отказалась от чая и повторила, что не станет задерживаться. В прихожей, оставшись с Норой наедине, она зашептала:

– Они хотят, чтобы вы вернулись в контору. Но лучше, наверно, при встрече об этом не говорить. Пусть скажут сами.

– Там есть вакансия? – спросила Нора.

– Пусть сами вам все объяснят, – шепнула миссис Уилан.

Вернувшись в заднюю комнату, Нора поняла, что Маргарет и Джим пытаются прочесть по ее лицу то, что было сказано в прихожей. Нора села, все помолчали, как будто ждали от нее отчета. Желая снять напряжение, она подбросила в камин угля.

– По-моему, дела у Гибни идут отлично, – заметила Маргарет. – Они занимаются всем подряд, не только мукой. У них все фермеры отовариваются, фургоны так и тянутся за мелким оптом, который продается за наличные и без доставки. И оборот у них огромный. Сыновья очень пробивные.

– Они – сила, с которой приходится еще как считаться, – подхватил Джим.

Вскоре Донал и Конор пришли пожелать спокойной ночи, и Джим с Маргарет встали, заявив, что им пора домой. Нора проводила их в прихожую.

– Значит, сделаем поминальные карточки порознь, два набора, – подытожил Джим. – Может быть, с одинаковым фото.

Нора кивнула и ничего не сказала.

Она распахнула входную дверь. Джим, проходя мимо, чуть не тайком всучил ей конверт.

– Просто помощь, перекантоваться, – пояснил он. – Ничего не говори.

– Я не могу взять у вас деньги. Вы и так все оплатили.

– Это только на первое время, чтобы пережить момент. – По его тону она поняла, что возвращение к Гибни двадцать один год спустя не только встретит его

полное одобрение, но и в известной мере оправдывает ожидания.

Перед тем как сойти с крыльца, он многозначительно взглянул на нее, и она задумалась, не приложил ли он руку к визиту миссис Уилан, благо знал в городе всех.

Когда они ушли, Нора вернулась в кресло и принялась размышлять о Гибни. Она вспомнила, как после смерти отца в дом часто приходили монахини, особенно усердствовала сестра Кэтрин, и спрашивали, неужто ничего, совсем ничего нельзя сделать и не найти денег, чтобы Нора доучилась три года в школе, а после даже получила высшее образование, но уж хорошее место на государственной службе найдется обязательно. Нора знала, что мать старалась и даже ухитрилась рассориться с родней с обеих сторон. Знала, что денег у матери нет, а потому, поскольку слыла сообразительной, оставила школу и устроилась к Гибни. Ей было четырнадцать с половиной; в пятнадцать она повысила квалификацию, закончив вечерние курсы машинописи и стенографии. В первые годы она отдавала весь заработок матери, в семейной лавке было шаром покати, мать продавала сигареты поштучно и подрабатывала в соборе пением на венчаниях, когда у людей хватало денег ей заплатить. В те годы мать, она сама и две ее сестры почти нищенствовали, пока и Кэтрин с Уной не устроились в городские конторы.

Нора одиннадцать лет провела у Гибни, работая по пять с половиной дней в неделю, едва уживаясь дома с матерью, а на службе действуя с эффективностью, которую и поныне, похоже, помнят. В годы замужества, когда пошли дети, ей и во сне не могло привидеться, что однажды ей придется вернуться – работа казалась делом далекого прошлого. Из тех времен у нее осталась всего одна подруга, которая тоже удачно вышла замуж и уехала из города. И Нора, и подруга считали контору Гибни местом, где они прозябали годами исключительно потому, что не подвернулось ничего под стать их способностям, которые в замужестве они старательно развивали.

Она подумала о свободе, что даровало ей замужество: если старшие дети были в школе, а малыш спал, она была вольна в любое время дня сесть в этой комнате с книгой; о свободе когда угодно устроиться в передней комнате и праздно глядеть на улицу и дальше, через долину, на Вайнгар-Хилл, а то и на облака; или вернуться в кухню, или заниматься детьми, когда те возвращались из школы, – это была жизнь, полная обязанностей, но одновременно и беззаботная. День принадлежал ей, даже если ей и надо было переделать кучу дел. Она вела

хозяйство двадцать один год и ни разу не заскучала, не разочаровалась. Теперь же день у нее отняли. Осталось уповать на то, что у Гибни работы для нее не найдется. Вернуться в ту контору все равно что вернуться в клетку. Но она знала, что если Гибни ей что-то предложат, она не сумеет отказаться. Годы свободы закончились, только и всего.

Она перечитала молитвы, отобранные для поминальной карточки Мориса. Слова ненадолго отвлекли ее от мыслей о том, как жить дальше, как много она потеряла, но глаза наполнились слезами, и она порадовалась тому, что Джим и Маргарет ушли, а мальчики отправились спать. Тебе, Господи, нам их давшему, их возвращаем.

Она подумала, что так, пожалуй, и вышло. Она вернула Мориса, и к этому едва ли можно что-то добавить. Нора пробежала глазами вторую молитву.

В своем безумии люди порой говорят, что сей безвременно вырван из жизни в расцвете лет. Он не вырван. Изменив иносказание, можно возразить, что он, напротив, поспешил в гущу жизни во всей ее полноте. Он забран из жизни нашей, которая есть лишь томление до срока, когда нас отыщет смерть. Он извлечен отсюда. Он скрылся, сей муж, про которого заявляют, что он почил в расцвете сил. Слишком молод он для смерти, говорят они. Слишком молод? Скорее блажен тот, кто умер молодым, бессмертие обретя тем самым. Блажен тот, кто спасся от лап дрожащей старости.

В этих словах ей почудилась излишняя уверенность. Где бы сейчас ни находился Морис, он наверняка тоскует по ней и их домашнему уюту, как и она мечтает о том, чтобы он к ним вернулся, а последний год истерся из памяти.

* * *

В среду с утра она отправилась в центр и побывала в парикмахерской. Пока Берни занималась ее волосами, они обсуждали новый способ окраски волос, о котором она прочла, и задумалась, не пора ли что-нибудь сделать с сединой.

– Синька мне не нравится, – сказала она.

– Я понимаю, о чем вы, – отозвалась Берни.

– А если слишком черные, то сразу ясно, что крашенные. А светлой я никогда не была, это весь город знает. Может быть, есть что-нибудь каштановое – попримечнее, чтобы не выглядело краской?

– Могу попробовать вот это. – Берни показала ей коробку с фотографией женщины, каштановые кудряшки которой выглядели вполне натуральными.

– Может быть, для начала только чуть-чуть?

– В инструкции сказано использовать все целиком. Я уже делала. Очень популярная штука. Вы удивитесь, если узнаете, кто ею красится.

– Ладно, давайте попробуем, – согласилась Нора.

Нанеся краску, Берни убрала ее волосы в нейлоновую сеточку и вручила журнал. Увидев, что не успеет домой вовремя и не сумеет приготовить для мальчиков обед, Нора пожалела, что вообще сюда пришла, и заторопилась. Она подала знак Берни, которая занималась двумя женщинами, прибывшими вместе и, похоже, считавшими нужным обсудить друг с дружкой каждый щелчок ножниц.

– Я вернусь к вам буквально через секунду, – крикнула Берни.

Сняв сеточку, Берни велела не беспокоиться и критически себя не рассматривать, так как настоящий вид волосы приобретут лишь после того, как она пройдет по ним феном, щеткой и гребешком. Нора сознавала, что те две женщины внимательно ее изучают. Нора подумала, что прежде, чем впервые в жизни красить волосы, ей следовало с кем-нибудь посоветоваться, но в голову никто не приходил. Она подозревала, что ее сестры тоже красятся, но ни разу не слышала, чтобы они об этом говорили. Медленно глядя, как Берни сушит ей волосы феном, она осознала, что ей соорудили прическу, которая приличествовала особе намного моложе, а эти две женщины, прекрасно это понимая, наслаждаются происходящим.

Чем больше трудилась Берни, тем больше волосы смахивали на парик. На то, чтобы смыть краску, уйдет немало времени, подумала Нора, глядя в зеркало, как хлопчет над ней явно довольная своей работой Берни. Жаловаться будет бессмысленно.

- Не слишком молодежало для меня? - спросила Нора.

- По мне, так вид у вас классный, - ответила Берни. - Такая стрижка нынче очень в моде.

- У меня никогда не было модной стрижки.

С прической было покончено, и Нора, разглядывая себя, поняла, что любой, кто увидит ее по пути домой, точно решит, что она спятила или молодится, едва-едва овдовев.

- Понадобится несколько дней, чтобы привыкнуть, - предупредила Берни. - Но седыми теперь никто не ходит.

- А краска не кажется совсем уж ненатуральной?

- Через несколько дней она поблекнет и все будут думать, что так у вас и было всю жизнь. Да вы, похоже, перепугались, но даю слово, что к концу недели будете в восторге.

- А ее можно смыть?

- Нет, но она выцветет, и гарантирую, что через месяц вы вернетесь сюда за тем же. Я не знаю ни одной женщины, которая хотела бы ходить седой. Думаю, в следующий раз мы попробуем мелирование. Нынче оно тоже страсть какое популярное.

- Мелирование? О, это вряд ли.

Выйдя, она высоко подняла голову и понадеялась, что все женщины на Корт-стрит и Джон-стрит заняты готовкой и никто не торчит на пороге. Она молилась не встретить никого из знакомых. В сознании промелькнули наихудшие варианты - встреча с теми, кто непременно осудит то, что муж ее всего лишь полгода как в могиле, а она уже перекрасила волосы в немыслимый оттенок. Она вспомнила, что на этой неделе предстоит еще одна встреча с Джимом и Маргарет. Они дар речи потеряют.

От Джон-стрит навстречу двигалась миссис Хоган. Нора не знала, то ли миссис Хоган попросту не узнает ее, то ли не желает здороваться. Только когда они почти столкнулись, миссис Хоган подскочила. Переменившись в лице, она остановилась.

– Да, кое-кому придется к этому привыкать, – сказала она.

Нора выдавила улыбку.

– Берни постаралась? – осведомилась миссис Хоган.

Нора кивнула.

– Я слышала, что она прикупила новых средств. Господи, мне и самой надо бы наведаться к ней.

Если миссис Хоган в своем фартуке и немилосердно стоптанных туфлях считает вправе высказываться о прическе Норы, то и у Норы нет причин, чтобы воздержаться от ответа.

– Что ж, вы знаете, где ее найти, – сухо сказала она, глядя на волосы миссис Хоган с очевидным намеком, что обиходить их не помешает. Миссис Хоган понадобилась секунда для осознания, что, возможно, ее оскорбили.

Эта встреча придала Норе смелости. Может, она и допустила ошибку, но в будущем не станет действовать с оглядкой на кого-либо. Интересно, а в прошлом она делала нечто подобное, действовала по наитию, не думая о последствиях? Она припомнила, как до замужества шла однажды с работы в обед и обнаружила у дверей “Акционеров Уорренса” на спуске Касл-Хилл стопку старых книг. Роясь в них, нашла томик Браунинга, и там было стихотворение, которое она любила в школе. Нора листала книжку, когда к ней присоединилась старая миссис Карти с Борин-хилл. Вдвоем они взглянули на цену, написанную карандашом на обороте обложки. Слишком высокая, да и в любом случае у Норы не было денег. Они двинулись дальше по Фрайери-плейс, потом вверх по Фрайери-Хилл. Прощаясь на вершине холма, миссис Карти вынула из-под пальто книгу и протянула Норе.

– Никто ее не хватится, – сказала она. – Но никому не рассказывай, откуда она взялась.

Вот и сейчас, шагая по улицам с новой прической, Нора чувствовала примерно то же, что чувствовала, когда возвращалась в тот день домой, пряча сборник стихотворений Браунинга. С ощущением, что вот-вот кто-то выведет ее на чистую воду.

Дома она быстро поставила вариться картошку, откупорила банку горошка и положила на сковороду три бараньи отбивные. Когда вернулись мальчики, картошка еще не сварилась. Нора сидела у себя наверху и крикнула, что обед чуть задерживается. Глядя в зеркало туалетного столика, она пыталась понять, можно ли сделать что-то с волосами, придать им более обычный вид. Жаль, что она не запретила Берни поливать ее лаком, липким и с приторным запахом.

Увидев ее, мальчики мигом притихли. Донал отвернулся, а Конор подошел к ней. Потянувшись, он дотронулся до волос.

– Жесткие, – сказал он. – Где ты их взяла?

– Сходила с утра в парикмахерскую, – ответила Нора. – Нравится?

– А что внизу?

– Внизу?

– Под этой штукой на голове

– На голове у меня волосы.

– У тебя свидание?

Нора поймала быстрый взгляд Донала, который тут же снова отвернулся.

* * *

Нора не знала, в чем идти к Гибни. Если одеться в лучшее, то может показаться, будто работа ей не нужна и она к ним пришла как равная, со светским визитом. Но и в старье одеваться нельзя. Похоже, проблема одежды – вечная. Если она вернется в контору, все будут видеть в ней подругу Уильяма и Пегги Гибни. Там еще работают люди, которых она знала в те давние годы, но потом потеряла с ними связь. Наверняка они невзлюбят ее или будут испытывать неловкость в ее обществе.

Решив поехать на автомобиле и припарковаться у вокзала – тогда никто по дороге не будет комментировать ее волосы, – Нора немного успокоилась. Перерыв весь шкаф, она выбрала серый костюм и темно-синюю блузку. Туфли наденет лучшие. Она не знала, что собираются сказать ей Гибни и предложат ли место. За чаем вряд ли пойдет разговор про оклад. Но что бы ни было у них на уме, она не хочет являться к ним с видом нуждающейся.

Дверь открыла миссис Уилан, которая проводила ее в большую гостиную, что находилась справа от коридора. Комната была набита темной мебелью и старыми картинами. Хотя на улице еще стоял день, в помещении сгустились сумерки: высокое, узкое окно пропускало мало света.

Пегги Гибни поднялась из кресла. Наброшенная на плечи вязаная кофта соскользнула, и миссис Уилан поспешила вернуть ее на место. Пегги Гибни не выразила признательности, будто этот жест был естественной частью служения ей как женщине королевской крови. Она показала Норе на кресло напротив и обратилась к миссис Уилан:

– Мэгги, будь добра, позвони в контору и сообщи мистеру Гибни, что миссис Вебстер прибыла.

Нора вспомнила, что много лет назад Пегги, забеременев, еще не была замужем за Уильямом и его родители ее вовсе не одобрили. Однажды Нора тихонько сидела в приемной и услышала, как старый мистер Гибни говорил Уильяму, что Пегги следует уехать в Англию, родить ребенка там и подыскать ему пристанище. Уильям вышел из кабинета, и Нора предположила, что он пошел разыскать Пегги и все это передать ей. Но вместо этого он женился на Пегги, и та родила младенца в частной клинике, а родители Уильяма мало-помалу привыкли к ней и привязались к малышу. Теперь же Пегги сидит в этом доме и разговаривает так, будто в жизни не попадала в сомнительное положение.

В голосе Пегги не было и следа от прежних беспечных интонаций. Говорила она деловито, почти отрывисто.

– А, да, – сказала она, – жизнь стала до того дорога, а налоги так высоки, что не представляю, как многие выживают.

Осведомившись о ее братьях и сестрах, Нора тотчас поняла, что совершила ошибку.

– У них все в полном порядке, Нора, в полном порядке, – надменно ответила Пегги. – Каждый из нас живет своей жизнью.

Нора приняла к сведению, что, похоже, в эту гостиную родственников Пегги не приглашают. Однако стоило ей осведомиться о детях, как лицо Пегги просветлело.

– Вы знаете, Уильям хотел, чтобы каждый из них до возвращения домой получил квалификацию, чтобы начать работать в фирме, уже обладая опытом. – Она выделила последнее слово. – Так что Уильям-младший – дипломированный бухгалтер, Томас – специалист по научной организации труда, а Элизабет закончила курс коммерции в одном из лучших дублинских колледжей. Так что они и сами теперь смогут прожить.

– Правда, Пегги? – не удержалась Нора.

Она вспомнила старую миссис Льюс с Милл-Паркроуд, которая вечно говорила лишь о своих отпрысках и их карьерах, неизменно заканчивая монолог тем, что мечтает, чтобы младшая, Кристина, обучилась на машинистку. В унылой атмосфере этой гостиной Нора с трудом сдержала смех. Пришлось постараться, чтобы сохранить лицо серьезным.

– Говорят, в городе все быстро меняется, – сказала Пегги. – Я редко выхожу, и при возможности, мы, знаете ли, стараемся уехать в Росслар. Там очень покойно, но у меня везде найдется немало дел.

Нора попробовала вспомнить, от кого слышала, что в доме Пегги полный день работает не только миссис Уилан, но и горничная.

– Но мне никак не заставить Уильяма взять полноценный отпуск. О, чересчур уж он беспокоится и о том и о сем. В Росслар-то ездит, да, но я это отпуском не считаю.

Вошедший Уильям показался Норе ниже, чем она помнила. Одет он был в костюм-тройку. Когда Уильям взял руку Нору, она спросила себя, помнит ли он, как обращался с ним отец, забравший его из школы в шестнадцать лет, годами плативший ему гроши и называвший перед всеми подряд “болваном”. Но отец давным-давно умер, фирма перешла к Уильяму, и, возможно, – так Нора предположила – все об этом забыли, все, кроме нее.

– Очень мило, что вы пришли. – Он сел рядом, а миссис Уилан внесла чай и печенье. – Весьма, весьма любезно, – добавил он, словно думал о другом, куда более обременительном деле.

Нора спокойно смотрела на него, не отвечая. Она не собиралась благодарить его.

– Отец всегда говорил, что вы были лучшей и никогда не ошибались, вы и Грета Уикхем. Он постоянно твердил, что, находишься здесь только Нора и Грета, мы не попали бы в ту передрагу, даже если и не было вовсе никакой передраги.

– О, он очень тепло отзывался о вас, – подхватила Пегги, – а Уильям-младший с Томасом говорили о Морисе Вебстере, когда у него учились, только хорошее. Помню, однажды у Томаса была температура и мы настаивали, чтобы он остался в постели, но он ни в какую, потому что не желал пропустить сдвоенный урок по коммерции у мистера Вебстера. Представьте, Томаса уговаривали остаться в Дублине после учебы. О, ему сулили блестящие перспективы! Мы сказали ему, что нужно хорошенько подумать. Но он предпочел вернуться домой. Вот как оно было. То же и с Уильямом. А Элизабет никогда не поймешь. Готова порхать без усталости. Неугомонная.

В словоохотливости Пегги Гибни, в том, как она безудержно болтала о себе и детях, было нечто нарочитое, будто она говорила специально для Нору, демонстрируя, что она теперь птица высокого полета, и это сознают все вокруг. Нора предполагала, что на Уильяма работает не меньше сотни человек, а то и больше. И поэтому Пегги Гибни нелегко быть тем, кто она есть – заурядной особой, но Нора не видела для себя причин предложить ей в ответ что-то

помимо молчания.

С Уильямом все обстояло немного иначе. Он мямлил, нервозно повторял какое-нибудь слово, а то вдруг умолкал, будто подыскивал другое.

– Мы всегда открыты, Нора, всегда открыты...

Нора взглянула на него и улыбнулась.

– Некоторые конторские девушки едва умеют грамотно писать, – снова вмешалась Пегги, – и еле-еле считают, однако в смысле дерзостей и больничных...

– Ну же, – промямлил Уильям. – Ну же.

Нора пристально наблюдала за ним, выискивая признаки того, что Пегги раздражает его не меньше, чем ее, но Уильям был какой-то отстраненный в своей суетливости, он будто и не замечал жену.

– А прически у некоторых! Элизабет говорит...

– Томас, – перебил ее Уильям, – чрезвычайно высокого мнения о мисс Кавана, она руководит конторой. Томас мог бы рассказать вам подробнее, чем я. – На миг он умолк и посмотрел на Нору, будто не знал, что сказать дальше. – Бог свидетель, – продолжил он, уперев взгляд в ковер, – я всего-навсего управляющий, глава компании. А вот Томас представит вас мисс Кавана, а после вы можете, если вы понимаете, что я имею в виду, приступить, когда пожелаете. Вы можете приступить, когда пожелаете.

– Вы говорите о Фрэнси Кавана? – спросила Нора.

– Полагаю, что да, – ответил Уильям, – хотя, наверно, ее уже давно так не называли.

– Ох, ну конечно! – воскликнула Пегги. – Вы наверняка знавали ее в былые деньки. Томас отзывается о ней исключительно с восторгом. А вы продолжали общаться?

– Прошу прощения? – резко сказала Нора.

– Я имею в виду, вы с мисс Кавана так подругами и остались?

Вопрос подразумевал, что в прошедшие годы Пегги не забивала себе голову выяснением подобных деталей, как и не трудилась поддерживать с кем-то дружбу. И все же Нора удивилась тому, как много она знает, – например, о том четверге двадцать пять, а то и больше лет назад. В тот короткий рабочий день Нора и Грета Уикхем вздумали прокатиться на велосипедах в Балликоннигар, а Фрэнси Кавана увязалась за ними, и они крутили педали что есть мочи, чтобы от нее оторваться, а после поехали не в Балликоннигар, а в Моррискасл. И как они чуть не открыто смеялись, вместо того чтобы извиниться, когда узнали, что на обратном пути близ Баллаха Фрэнси проколола шину, а затем пережидала ливень, сидя под деревом, и домой приковыляла лишь на рассвете. С того дня она ни разу не заговорила с ними.

Уильям и Пегги наблюдали за ней. Она не ответила сразу на вопрос о Фрэнси Кавана, а теперь делать это уже было поздно. Выходит, подумала Нора, что все эти годы, пока она была замужем и обзаводилась детьми, Фрэнси работала у Гибни, дослужилась до начальницы конторы, – чем не Пегги Гибни, которая сейчас элегантно-манерно поднимает чашку с чаем, командует этим домом, летом катается в Росслар, источает фальшивое величие, копируя свекровь или жену какого-нибудь богатого торговца. От этих женщин Нору отделяла пропасть не меньшая, чем разделяющая тишину и звук.

Уильям встал, и в комнате произошла перемена. Каким-то образом им с Пегги удалось дать понять, что, поскольку с любезностями покончено, Нора свободна. Она поднялась, чтобы уйти, но Пегги не двинулась с места, очевидно, не считая своей обязанностью провожать гостей. Уильям взял Нору за руку.

– Я хотел бы, чтобы вы побеседовали с Томасом в понедельник, в два часа, сумеете прийти? Справьтесь о нем в приемной, да, в приемной. – И с этими словами он рассеянно покинул комнату.

Нора услышала, как хлопнула входная дверь. Топтавшаяся на пороге миссис Уилан проводила Нору в прихожую.

– Она в восторге от того, что вы пришли, – шепнула она. – Знаете, она ведь мало кого видит.

– В самом деле? – спросила Нора и тут вспомнила о своих крашенных волосах, потому что миссис Уилан рассматривала их почти с бесстыдным любопытством.

Глава четвертая

Она никому не сказала ни о договоренности с Томасом Гибни, ни о скорой встрече с Фрэнсис Кавана, с которой не виделась более двадцати лет. Она подумала, что поделится с Джимом и Маргарет, но, когда они появились, была благодарна им за то, что не стали спрашивать, как прошел визит к Гибни. Спросила Уна, и она ответила, что пока ничего не решила.

– Я слышала в гольф-клубе, что ты возвращаешься в контору, – сказала Уна.

– Гольф-клуб – источник знаний, – ответила Нора. – Я бы сама туда ходила, будь у меня деньги или неумемное любопытство.

Ее вторая сестра, Кэтрин, в письме пригласила Нору с мальчиками погостить у нее, написала, что подойдет любые выходные. Нора ответила, что они приедут в следующую пятницу, когда мальчики отучатся, и пробудут до воскресенья. Морис, пока был здоров, любил уезжать субботними вечерами в их фермерский дом за Килкенни, беседовать с мужем Кэтрин об урожаях и ценах, спорить о политике и слушать сплетни о соседях. Обе пары часто наведывались в бар-салон, оставляя детей на попечение Фионы или Айны. Похоже, что мальчиков радовала перемена, так как они ночевали в непривычно пустом и оттого большом доме.

Нора подумала, что права была мать: все они, включая сестер, предпочитали ей Мориса и больше прислушивались к нему. Во время совместных застолий мужчины беседовали друг с другом, но Кэтрин любила их слушать, задавать вопросы или подкидывать темы, об интересе к которым знала наверняка. Нора не обижалась, она прислушивалась к этим разговорам вполуха, не имея такого, как у Мориса, твердого мнения насчет событий в стране. Кроме того, Кэтрин и

муж ее Марк разделяли религиозные взгляды Мориса. Они верили в чудеса и силу молитвы, но нравилась им и модернизация церкви. Никто из них ни разу не спросил о соображениях Нору на этот счет; она и сама не вполне себя понимала, но знала, что не согласна с ними и желает церкви более радикальных преобразований. Она, в отличие от них, не верила бездумно. Насчет прочих материй у нее тоже имелось свое мнение, но она с удовольствием не участвовала в беседах. Сейчас она задумывалась, а не станет ли разговорчивее теперь, когда Морис мертв.

Мальчики вернулись из школы, а она уже сложила вещи в машину. Договорились, что Донал будет сидеть на переднем сиденье до Килтили, а потом сыновья поменяются местами и до конца поездки впереди будет сидеть Конор.

В былые дни, проезжая мимо ворот одной фермы за Майлхаусом, Морис напрягался и уходил в себя, о чем бы ни говорили до того. Они никогда это не обсуждали. Он напрочь отказывался об этом заговаривать. Нора знала о его нежелании, потому что слышала, как эту тему обсуждали Маргарет и одна из кузин на поминках ее свекрови. Ферму в конце прошлого столетия оттяпали у деда Мориса. После приезда в город с женой и детьми тот приобрел прескверную репутацию в полиции из-за своих политических взглядов и кое-каких книг и одежды в старом чемодане. Нору всегда удивляло, насколько серьезно воспринимал это событие Морис, или, по крайней мере, как странно он замыкался всякий раз вблизи от этого места, будто упоминание о случившемся могло обесценить былые страдания, перед которыми он благоговел.

Нора знала, что где-то за Туллоу сохранился дом, в котором прислуживала ее мать, и кто-то – то ли хозяин, то ли его брат, а может, и сын – непозволительно сближался с ней ежедневно, а иногда и по ночам. Тетушка Джози пересказывала во всех подробностях, как пришлось обратиться к священнику и как тот призвал управляющего универсального магазина “Калленс” помочь ему спасти честь девушки-служанки из отдаленного фермерского дома за Туллоу. Нора вспомнила, что история о чести ее матери, священнике, ферме за Туллоу, ее владельце и его брате с сыном показалась ей неправдоподобной, а потому забавной. Джози настойчиво заявила, что все это чистая правда, а Нору и вовсе разобрал хохот; она веселилась, пока Джози не посоветовала помалкивать об этой истории, а если уж мочи удержаться нет, то пусть хоть не смеется. Мол, люди осудят ее за смех над такими вещами.

Дорога была узкая, и Нора ехала осторожно. Скоро эти предания забудутся, подумала она. Скоро никто и не вспомнит о какой-то давней экспроприации, а если и вспомнит, то до нее никому не будет дела. Деда и бабушку Мориса похоронили в безымянной могиле, чтобы никто не знал, кто они такие. И она полагала, что ее сестры не знают о жизни матери в доме за Туллоу и тех мужчинах. Скорее всего, они вообще не имеют понятия, что мать была служанкой в период между отъездом из отчего дома и поступлением на работу в “Калленс”, что в Эннискорти.

За Килтили Конор пересел на переднее сиденье и принялся болтать о школе, одноклассниках и учителях. Ему явно не терпелось пообщаться с кузенами и посмотреть ферму.

- А в доме тети Кэтрин живут призраки? - спросил он.

- Нет, Конор, это просто старый дом. Он побольше нашего, но призраков там нет.

- Там же умерло много людей?

- Не знаю.

- А откуда появляются призраки?

- Я думаю, что дома с привидениями - выдумка.

- У Фелана на Бэк-роуд живут призраки. Джо Деверо как-то ночью увидел там человека без лица. Тот прикуривал, а лица не было.

- Наверно, там было просто темно, - сказала Нора. - Если бы у Джо был фонарик, он бы отлично рассмотрел лицо.

- Мы после этого ходили из школы домой по другой стороне дороги, - продолжал Конор.

- Ну теперь-то все позади, тебе больше не нужно туда ходить.

- Все знают, что т-т-там есть призрак, - сказал с заднего сиденья Донал.

– А я о нем никогда не слыхала, – ответила она.

Какое-то время мальчики молчали, однако Нора, минуя Боррис, не сомневалась, что они продолжают думать о призраках.

– Мне кажется, что все истории о привидениях – чепуха, – сказала она.

– Но в доме тети Кэтрин наверняка умерла прорва людей, – уперся Конор. – В спальнях наверху уж точно.

– Может, и так, но призраков не существует.

– А как же Святой Дух? – спросил Донал.

– Донал, ты же понимаешь, что это совсем другое.

– Один я наверх все равно не пойду, – сказал Конор. – Даже днем.

* * *

Они подъехали к дому в молчании. Нора пробовала сменить тему, но так и не отвлекла мальчиков от мыслей о призраках и проклятых домах. Она подумала, что фантазии о призраках и странных звуках в ночи связаны с узкой дорогой и пустошами по обе стороны от нее, с канавами-болотцами вдоль обочин и деревьями, мрачно нависающими над дорогой, с редкими тропинками, что убегают к одиноким фермам, которых отсюда и не видать. Нора вспомнила, что Кэтрин, первой из сестер вышедшая замуж, рассказывала о доме кузена Марка – старой постройке, заросшей плющом, где мебель двигалась сама собой, а иногда ни с того ни с сего открывалась дверь. Кэтрин и Марк рассказывали подробно, без тени сомнения в правдивости этих историй. Интересно, не связано ли это как-нибудь с завещанием, или кладом, или сражением или с жестоким выселением из дома когда-то в прошлом. Нора понадеялась, что за выходные никто не станет болтать об этом при мальчиках.

Кэтрин отличалась полной неспособностью усидеть на месте. Мать, как помнила Нора, была такой же, вечно суетилась. Нора и Уна называли это “ерундистикой”.

Хуже того – мать порицала других женщин, что сидят сиднем, когда все дела далеко не переделаны. Нора, как вышла замуж, каждый вечер, вымыв посуду, бросала суетиться, садилась, предварительно позаботившись о том, чтобы лишний раз не вставать – разве что вскипятить чайник, чтобы выпить с Морисом чаю, или приготовить грелку зимой.

Нора вошла в отведенную ей комнату – ту самую, где всегда останавливались они с Морисом, – и ее тотчас охватило желание больше не приезжать сюда, написать в следующий раз, что заболела и лежит в постели. А от взгляда Кэтрин на ее прическу стало и вовсе неуютно; молчание сестры означало, что после предстоит разговор, и Нора не сомневалась, что Кэтрин найдет немало что сказать.

Ферма Марка была велика, но Нора не знала, сколько акров земли, так как Кэтрин не говорила об этом никому из родных. Очевидно, земли было больше, чем Кэтрин хотела признать. Будь ферма маленькой, Кэтрин упивалась бы жалобами. Она всю жизнь покупала одежду на распродажах и после замужества не изменилась. Однако теперь, если речь шла не об одежде, а о чем-то другом, особенно касаемом дома, она тратилась всерьез. Норе и Морису особо запомнились слова Марка: “Вещь хороша в день, когда ее покупаешь”. Им самим такие мысли были напрочь чужды.

Наглядным подтверждением этой сентенции были две машины на подъездной дорожке, всегда последней модели, и мебель в доме менялась постоянно, а на кухне в каждый приезд обнаруживалась новая утварь из дублинских универмагов “Браун Томас” или “Свитцерс”. Нора не сомневалась, что Кэтрин делает прически в Дублине или в какой-нибудь дорогой парикмахерской в Килкенни, где обслуживают жен богатых фермеров. Кэтрин пришла бы в ужас, предложи ей кто-то доверить покрасить волосы у Берни Прендергаст из Эннискорти.

Нора подумала, что будь с ней Морис, все только его бы и слушали, а он бы держался непринужденно, с вкрадчивым обаянием. Спускаясь по щедро убранной коврами лестнице, глядя на свежие дорогие обои и забранные в новые рамки гравюры, которые, как она знала, принадлежали матери Марка, Нора поняла, что никогда по-настоящему не бывала в центре внимания – оно было фальшивым, ее просто жалели. Кэтрин и Марк были рады пригласить ее с мальчиками на уик-энд, и они будут добры и гостеприимны, но в той же мере порадуются, когда она уедет, а их долг окажется исполнен. Нора подумала, что

скоро начнет работать у Гибни и сошлется на занятость, чтобы пореже сюда приезжать.

Доналу и Конору всегда приходилось заново привыкать к ферме. Кое-что им нравилось. От них требовали, чтобы они держались подальше от крапивы, и мальчики охотно играли с кузенами в саду. Во дворе имелся ручной насос для родниковой воды, который нужно было тягать вверх-вниз, и мальчики любили с ним возиться. Но если речь заходила о том, чтобы переодеться в старую одежду и сапоги, навестить животных или отправиться в доильный зал, а то и на гумно, где навоз, то они напрягались. Они все тянули, выжидая, не разрешат ли им посидеть вместо этого со взрослыми и послушать их разговоры.

В кухне Нора увидела новую стиральную машину, которую доставили из Дублина накануне, на столе лежала инструкция.

– Привезли и сушилку, – сообщила Кэтрин, – но мы ее еще даже не распаковали. Я решила сперва заняться стиралкой, чтоб заработала. Надо было спросить у водопроводчика, когда он приходил подключать машину. Я-то вообразила, что раз он закончил, то она сразу и включится. После позвонила своей подруге Дилли Галпин, у нее тоже стиральная машина, она сказала, что с этими инструкциями стала почти профессором.

Она освободила за столом место для Норы; Донал и Конор с двумя их кузенами наблюдали.

– Вот же мне повезет, если в ней что-то сломано и придется везти обратно в такую даль. Я-то и запустить ее пока не могу. – Она показала на разложенные схемы: – Смотри, тут полно разных режимов: для простыней и скатертей, для рубашек и блузок, а еще для тканей потоньше. И все на немецком да французском. Нет, на английском тоже есть, но, может, перевод неправильный и на другом языке все понятнее.

Нора не понимала, пили ли уже у Кэтрин чай. Перевалило за шесть, и Кэтрин разрешила детям посмотреть по телевизору мультики и прочие детские передачи, которые будут после. Но ни о чае, ни о еде не прозвучало ни слова. Нора знала, что мальчики скоро проголодаются, – может, Кэтрин решила, что они поели перед выездом? Она отметила странность: Кэтрин не позволяла ей вставить слово, будто боялась, что она заговорит о еде, точно со стенкой

разговаривала. Но Кэтрин вовсе не говорила сама с собой, она вполне осознавала присутствие сестры, но явно намеренно не желала, чтобы и Нора сказала что-то. Если это нарочно, подумала Нора, то ничего не выйдет, дело можно легко исправить. Однако у Кэтрин все получалось естественно. Нора помнила, что сестра всегда была такой, но, когда они оказались лицом к лицу, эта стена между ними словно возросла. Надежная, как в склепе, построенная не для опоры, а в качестве ограды. Нора ощутила себя в некоем безвоздушном пространстве, а Кэтрин все болтала о стиральной машине и сушилке, затем ушла в коридор звонить Дилли Галпин, которая согласилась прийти и взглянуть, не сумеет ли помочь с включением.

– Не говори Дилли, что я тебе рассказала, – протараторила Кэтрин, – но на прошлой неделе мы с ней поехали в Дублин и остановились у ее сестры и зятя, он адвокат. О, дом просто сказочный, Нора, они живут в Малахайде[12 - Поселок в Ирландии, находится в графстве Фингал.], и у них своя лодка. Все такое современное, я в жизни не видела ничего подобного. Его семья занимает очень высокое положение в строительной промышленности, и у них масса подрядов, но он и сам вполне преуспевает. А другая сестра Дилли, очень милая, замужем за судьей Мерфи из Высокого суда. Они большие шишки в “Фианна Файл”[13 - Либеральная политическая партия в Ирландской Республике.]. А еще одна сестра замужем за Делахантом[14 - Владелец сети ресторанов в Ирландии.], и они сказочно богаты – во всяком случае, Дилли сказала.

Раньше Нора никогда не слышала от сестры ни слова “сказочно”, ни таких отзывов о чужих семьях.

– Короче говоря, они повели нас обедать в отель “Интерконтиненталь”. Кон и Фергюс, это зятья Дилли, плюс две ее сестры – всего шестеро. Я таких блюд никогда не видела, и вина тоже. Не стану говорить, какой был счет, но я умею читать вверх ногами, и у меня чуть не случился инфаркт. Я даже Марку не сказала. Он, пожалуй, столько бы не выложил. По крайней мере, за обед. А ресторан был под завязку. Публика самая разношерстная. На другой день мы с Дилли пошли и купили стиральную машину и сушилку. Я хотела такую же, как у нее.

Появившийся Конор ждал, когда Кэтрин умолкнет.

– А когда будет чай? – спросил он. – Все уже пили. А мы?

Кэтрин взглянула на него так, словно не расслышала. Конор, не получив ответа от тетки, поглядел на Нору.

- Что же ты не смотришь телевизор? – спросила Кэтрин.

- Мы чай не пили, – повторил он.

- Что, правда? – Кэтрин недоуменно взглянула на Нору.

Норе стало неудобно, как будто ее в чем-то уличили.

- Мы выехали сразу, как только они вернулись из школы. Я думала, чай поьем у вас.

- Ох, какая же я растяпа. А теперь Дилли вот-вот придет, и Марк, но про него я точно не знаю, во сколько вернется.

Кэтрин растерялась. Нора собралась сказать, что хватит сэндвича или тоста с бобами, но решила промолчать. Она уставилась вдаль, как будто это не ее дело. Она почти разозлилась. Конор так и стоял, глядя то на мать, то на тетку.

- Это я виновата, – сказала Кэтрин. – Надо было раньше подумать.

Она вдруг сделалась вежливой, деловитой и столь услужливой, что Норе подумалось, будто чувства ее, пусть и невысказанные, отчасти передались сестре. Кэтрин направилась к большому холодильнику.

- У меня есть гамбургеры, – предложила она, – и я могу пожарить картошки. Их устроит? А тебе чего, Нора, – стейк или сделать пару отбивных? Пусть мальчики пьют чай в комнате, где телевизор.

- Делай, что проще, – ответила Нора.

Пришла Дилли Галпин, и Нора взяла стряпню на себя, а Кэтрин с подругой углубились в инструкцию для стиральной машины. Когда они принялись щелкать кнопками и тумблерами, она окончательно перестала обращать на них внимание и сосредоточилась на готовке. Нора понимала, что Кэтрин лишь

порадуется, если и она поест в комнате с детьми. Но она твердо решила не предлагать этого сама, лишь убедилась, что Донал с Конором оделены едой и довольны.

* * *

Стиральная машина заработала, и Дилли Галпин заверила Кэтрин, что сушилка гораздо проще и там лишь требуется включать да выключать. Дилли устроилась за кухонным столом. Нора предложила им чаю, и они согласились. Когда поспели отбивные, она подала их с серым хлебом и маслом. Разлила чай, как только заварился. Нора не знала, она ли виной тому, что неуклюжая беседа еле клеится. Казалось, что Кэтрин и Дилли не болтают о том о сем, а исполняют роли ей в угоду. Они обсудили аукцион, где побывали обе, – распродавалась мебель и утварь из богатого особняка за Томастауном.

– Я торговалась за каминные щипцы и кочергу восемнадцатого века, – сказала Дилли, – но мне они не достались. Против меня сыграл дилер из Дублина. Я посылала ему непристойнейшие взгляды, но без толку. Тебе, Кэтрин, повезло с тем милым ковриком. Куда ты его пристроишь?

– Хочу сделать Марку сюрприз, положу в спальне, – ответила Кэтрин. – Мне понадобится помощь, потому что придется затолкать под ножки кровати. Остается надеяться, что он хоть внимание обратит.

– Аукцион так затянулся, что мне потребовалось в туалет, – продолжала Дилли, – и я решила зайти в особняк. Наплевала на табличку “Вход воспрещен, частное владение” и вошла, ну а дальнейшее могло случиться только со мной: поднимаюсь по лестнице, ищу туалет и попадаю в лапы к этой старой протестантке – чьей-то незамужней тетке, судя по виду. Я сказала, что мне просто надо в туалет, а она заявила, что я могу расхаживать где угодно между Томастауном и Иништигом, но здесь, в этом доме, чтобы духу моего не было. И поперла на меня, этакая старая карга. Я была в такой ярости, что когда выехала за ограду и увидела полное поле овец, то остановила машину, вылезла и открыла ворота.

– И правильно сделала, – одобрила Кэтрин.

- Да, и надеюсь, они все еще ищут этих овец. Что за хамка! Воображают, будто по-прежнему правят страной!

- Ты не представляешь, что тут творится вокруг, - сказала Норе сестра.

- Той женщине повезло, что я не купила ее кочережки. Не знаю, что бы я ими сделала.

Дилли кипятилась, Кэтрин вторила, а Нору разобрал смех.

- Представила картину, - объяснила она.

Продолжая смеяться, она встала из-за стола. Она видела, что Кэтрин побагровела и вроде как стиснула зубы. Нора убедилась, что мальчики с кузенами все еще смотрят телевизор, и ушла в ванную, где и оставалась, пока не поняла, что смех больше не рвется из нее. Придя в себя окончательно, она вернулась и обнаружила, что Дилли Галпин ушла. Кэтрин хлопотала на кухне и, даже когда пришел Марк, почти не разговаривала с Норой. В ответ на ее невнимание Нора была сама любезность к Марку, оживленно болтала с ним. И раздражение Кэтрин прорвалось.

- Тебе-то все нипочем! Но нам приходится здесь жить, и пусть я знакома с богатыми протестантами из Ирландской ассоциации сельских женщин или гольф-клуба, и пусть они даже знают Марка по ИФА[15 - Ирландская футбольная ассоциация.], а раньше знали его мать и отца, на меня они и не взглянут, если встретят на главной улице Килкенни. Не знаю, зачем мы пошли на этот аукцион.

- Какой аукцион? - спросил Марк.

- Подруга Кэтрин, Дилли, напала с кочергой на протестантку, - сказала Нора.

- Ничего подобного!

- Кэтрин, она была очень мила, - заметила Нора. - И я честно подумала, что она шутит. Трудно сидеть с серьезным лицом и слушать про каминные щипцы и овец.

– Каких овец? – спросил Марк.

* * *

Спать легли рано. Нора была рада отделаться и от собеседников, и от разговоров про аукционы, большие дома и новые стиральные машины. Ей было ясно, что с Кэтрин и Дилли говорить ей не о чем – попросту нет общих интересов. Спросив же себя, что ее самую интересуется и о чем можно поговорить, она вдруг осознала: ни о чем. Тем, что стало важным теперь, поделиться было не с кем. Джим и Маргарет находились рядом, когда умирал Морис, и с ними получалось беседовать запросто: пусть они и не вспоминали больничные дни, пережитое крылось в каждом произнесенном слове. Оно висело между ними в воздухе, было настолько живо, что и говорить о нем не приходилось. Для них разговор был способом выжить, но для Кэтрин, Дилли и Марка это просто болтовня. Нора не знала, сумеет ли когда-нибудь поддерживать обычную беседу, на какие темы ей удастся говорить непринужденно и с интересом.

Сейчас она могла обсуждать только себя, и ей казалось, что все уже этим сыты. Вокруг считали, что ей пора забыть о скорби, подумать о других вещах. Она словно жила под водой, словно отказалась от борьбы, не захотела плыть к воздуху. Это было ей не под силу. Выход в мир людей казался ей невозможным, она туда и не хотела. Как объяснить это тем, кто спрашивает, как она поживает и как переносит случившееся?

Проснувшись рано, она ужаснулась предстоявшему дню. Она не знала, испытывают ли что-то схожее мальчики. И Фиона и Айна – они тоже страшатся предстоящего дня, когда просыпаются? А Джим и Маргарет? Наверно, подумала Нора, они находят чем заняться и отвлечься. Она тоже могла подобрать темы для размышлений – к примеру, деньги, или дети, или работа у Гибни. Найти такие темы не составляло труда; беда заключалась в том, что она теперь в этом мире одна и понятия не имеет, как жить дальше. Придется научиться, но приезжать в этот дом было ошибкой – лежать здесь в чужой постели, когда и своя-то постель стала для нее чужой. Но отчужденность этого дома была не главным, ее-то она выдержит. Но сколько времени пройдет, пока она решится снова куда-то поехать с ночевкой?

Спустившись вниз, она обнаружила, что Кэтрин и местная жительница, приходившая помогать по хозяйству, затеяли генеральную уборку кухни и

кладовки, чтобы разместить в последней сушилку возле стиральной машины. С полки снимали всю посуду, фарфоровую и глиняную, чтобы стереть пыль, и теперь Кэтрин очищала ящики и сортировала извлекаемое из них – что-то выбросить, что-то вернуть на место. Конор и один из кузенов помогали ей, а Донал сидел в стороне. Увидев Нору, Донал повел плечами, словно говоря: его все это не касается.

– Налей себе чаю, Нора, – сказала Кэтрин, – и если найдешь хлеб и тостер... Господи, какое будет облегчение с этим покончить. Но у меня хоть много помощников.

– Я прогуляюсь, – ответила Нора.

Кэтрин недоуменно повернулась:

– Там льет как из ведра. День-то не для прогулок, а позже съездим в Килкенни, мне надо купить для этой машины антинакипин. Знаешь, я почти жалею, что взяла ее. Дилли наплела, что работы станет вдвое меньше.

– Я возьму зонтик, – сказала Нора.

– Зонтики в стойке у входа, – ответила Кэтрин. – Закрой поплотнее парадную дверь, ладно? В такое ненастье она становится очень тугой.

Об этом ее никто не предупреждал. О том, что она не сможет испытывать обычные чувства, обычные желания. Нора подумала, что Кэтрин, наверно, заметила это и не понимает, как себя вести, чем только ухудшает положение дел. Шагая по подъездной дорожке, Нора ощутила неукротимую ярость. Придется научиться ее обуздывать. Бессмысленно обещать себе, что впредь она сюда ни ногой, бессмысленно злиться на сестру. До этого момента она не смогла простить только одного человека – врача, который вел палату, где Морис провел последние дни жизни;

ярость заставляла ее мысленно писать ему письма и решительно отсылать, – письма оскорбительные или холодно-информативные, письма, в которых она угрожала ему, что расскажет всему миру, чем он занимался, пока ее муж умирал; что он отказался облегчать боль, заставлявшую Мориса непрерывно стонать. Она не раз искала врача, снова и снова спрашивала сестер, можно ли

что-нибудь сделать. Те подходили к постели, и кивали, и соглашались – дескать, да, что-то сделать необходимо. Но врач – при одном воспоминании о нем она зашагала быстрее и окончательно забыла о собиравшихся над головой тучах – не подошел с ней к постели, заявил, что у ее мужа слабое сердце, а потому он не хочет назначать никаких обезболивающих из страха навредить сердцу.

А Нора, и Джим, и Маргарет сидели у его койки, отгороженной ширмой от других пациентов и их посетителей, чтобы тем не было видно. Но им было слышно. А когда пришли отец Куэйд из дома священника и сестра Томас из обители Святого Иоанна, они услышали тоже. Нора и Маргарет держали Мориса за руки, и говорили с ним, и утешали, и обнадеживали, и обещали, что он поправится, но обе знали, что боль не уймется до самой его смерти.

Смерть, однако, не шла. А Морису было так больно, что ловить его за руку, когда он тянулся к чему-то, бывало почти опасно, так крепко он впивался. Нора подумала, что в те часы он был живее, чем когда-либо прежде, – желания, паника, страх и боль пылали в нем, обращая его в рычащего зверя, и его слышали уже не только в палате и коридоре, но и в приемном покое.

Нора подумала, что работа в такой маленькой больнице – аптекарне, которую скоро закроют, – наверняка не была воплощением студенческих мечтаний того доктора. Похоже, он был единственным там врачом – вел приемы, дежурил ночами, а потому найти его удавалось не часто. Его не могла не угнетать работа в сельской глуши, без хирургической палаты и отдельного кабинета, без специалистов-кардиологов и профессуры, за которыми тянется свита из студентов. Этот молодой доктор ничего не знал о боли и смерти, Нора припомнила, что он разговаривал с нею так, будто она отнимает время у крайне занятого человека. Ненависть к нему снова захлестнула ее, и это чувство принесло странное наслаждение, пока она шла под начинавшимся дождем.

А дождь зарядил всерьез, и Нору нагнал автомобиль – Кэтрин приехала за ней. На переднем сиденье устроился Донал, он вылез, уступая ей место. Придерживая дверцу, он ухмылялся, будто был с Норой в сговоре. Она впервые за многие месяцы видела его улыбающимся и после только об этом и думала, пока они в молчании катили домой.

Кэтрин ввела ее в дом, как ребенка, который не послушал совета умных людей.

– Погибли твои туфли, – сказала она.

– Ничего, высохнут.

Нора переоделась и нашла припасенный роман. Спустившись на цыпочках по лестнице, она отправилась не в кухню, а в гостиную. Комната была полна картин, китайского фарфора и ламп, доставшихся Марку по наследству. Мебель тоже принадлежала не одному поколению его родственников, и мастер из Дублина недавно сменил обивку. Поскольку этой комнатой пользовались редко, Нора решила, что, сидя здесь, да еще в домашней затрапезной одежде, да еще празднично, с книгой, она раздосадует Кэтрин, которая хлопотала в кухне. Нора взяла стул и положила на него ноги. Она пожалела, что еще не начала читать книгу – могла бы сразу погрузиться с головой. В конце концов она ее отложила, откинула голову и закрыла глаза. Она вызвала в памяти улыбающееся лицо Донала, когда тот придерживал дверцу машины, и представила, что сказала ему Кэтрин, когда они поехали ее искать. Слова Кэтрин, а скорее, ее досадливое молчание или сердитый тон развеселили Донала, а мысль об этом развлекала теперь и Нору.

Нора знала, что Кэтрин непременно позвонит Уне, хотя сестра, унаследовавшая от матери толику скупости, не любила тратиться на междугородные звонки, особенно те, что наверняка затянутся, а с этим так и случится. Кэтрин примется расписывать, как грубо повела себя Нора с ее подругой Дилли Галпин, по сути откровенно ее высмеивая, а также то, как она сумасбродно поперлась гулять под дождем и пришлось ее выручать, а после, уже в доме, положила ноги на только-только отреставрированный стул. Уна, конечно, будет слушать сочувственно.

К часу дня порядок в кухне восстановился. Нора видела, что Кэтрин любит свою кухню и с явным удовольствием стоит у плиты, или накрывает на стол, или разговаривает со всяк входящим, включая двоих работников Марка. Она расстелила на кухонном столе “Айриш индипендент” и между делами прочитывала статью, хотя ни разу не присела. Нора же сидела за столом и пыталась проявить интерес к болтовне подросших детей Кэтрин. Конор сказал ей, что Донал нашел шахматы и обучает игре кузена.

Кэтрин принялась готовить обед и теперь сновала между кладовкой и кухней. Нора подумала, не предложить ли помочь, но вместо этого рассеянно взялась за газету. С того момента, как Морис отбыл в больницу, она вообще перестала покупать газеты, но сейчас подумала, что стоит выписать “Айриш таймс”.

Издание, конечно, протестантское, но статьи поосновательней и, на ее взгляд, написаны лучше, чем в других. С “Айриш таймс” было связано и кое-что посерьезнее; но придется прятать газету от Джима и Маргарет, поскольку они тоже выписывают “Айриш пресс” и обязательно сочтут, что она зря тратит деньги.

Пришел Марк, и атмосфера переменилась. Едва сняв кепи, он дал понять, что именно этого ждал все утро – не только еды, но и общества. С ним было легко, и Нора теперь это оценила. Она не знала, откуда в нем такая непринужденность, – возможно, оттого, что он в этом доме вырос и всегда знал, что унаследует ферму, но Нора подумала, что этого мало, ведь хорошие манеры он наверняка демонстрирует не только дома. В похожих обстоятельствах Морис бы обязательно чем-то занялся, читал бы журнал, смотрел новости или взялся за книгу; он часто сетовал на шум, который поднимали дети, хотя свои претензии высказывал добродушно, и его слова никто не воспринимал всерьез, а меньше всего – сами дети.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Небольшой город в Ирландии, находится в графстве Уэксфорд (провинция Ленстер), родной город Колма Тойбина, в котором и развивается действие многих его книг. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Небольшой городок на юго-востоке Ирландии.

3

Населенный пункт в графстве Уэстфорд.

4

Деревушка на юго-востоке Ирландии.

5

Долгоиграющий американский комедийный телесериал с Донной Рид в главной роли, который транслировался на канале ABC с 24 сентября 1958 по 19 марта 1966 г.

6

Одна из двух главных торговых улиц в Дублине.

7

Памятник английскому адмиралу Горацио Нельсону (1758–1805), стоявший на О'Коннелл-стрит, в 1966 г. взорвали боевики ИРА, сейчас на этом месте стоит Дублинская игла – стальная скульптура в виде иглы.

8

Арочный пешеходный мост через реку Лиффи.

9

Небольшой отель.

10

Томас Мертон (1915–1968) – американский поэт, монах-траппист, богослов, преподаватель, публицист, общественный деятель, проповедник дзен-католицизма.

11

Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) французский католический философ и теолог, биолог, геолог, палеонтолог, археолог, антрополог.

12

Поселок в Ирландии, находится в графстве Фингал.

13

Либеральная политическая партия в Ирландской Республике.

14

Владелец сети ресторанов в Ирландии.

15

Ирландская футбольная ассоциация.

Купить: https://telnovel.me/toybin_kolm/nora-vebster

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)